

Юридическое образование и наука

№ 12 / 2020

ISSN 1813-1190

9 771813 119777 >

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

№ 12 2020

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.
Зарегистрировано в Госкомпечати. Рег. ПИ № 0577-29362 от 23 августа 2007 г.

20 Илл

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Дивеева Н.И., Дмитрикова Е.А., Васильев И.А.
Организация сетевого обучения с включением
онлайн-компонента 3
Захарова М.В. Дистанционный труд
научно-педагогических работников:
правило vs исключение? 8

EDUCATIONAL POLICY

Diveeva N.I., Dmitrikova E.A., Vasilyev I.A.
Organization of E-Learning with Incorporation
of an Online Component 3
Zakharova M.V. Remote Work of Academic
Employees: Rule vs. Exception? 8

ДИСКУССИОННАЯ АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ ТРИБУНА

Кувалдина Ю.В., Марьина Е.В. Правовая природа
принципа разумного срока и его развитие
в российском уголовном процессе 13
Устинова И.В. История развития
криминалистического прогнозирования 19

ANTI-CRIME DISCUSSION TRIBUNE

Kuvaldina Yu.V., Maryina E.V. The Legal
Nature of the Reasonable Term Principle
and the Development Thereof in the Russian
Criminal Procedure 13
Ustinova I.V. Criminalistic Forecasting
Development History 19

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Карташов А.В. Виды цифровых инноваций
на финансовом рынке
(финансово-правовые аспекты) 23
Гуляев Д.Е. Национальный превентивный
механизм — новая система государственно-
общественного контроля, способствующая
обеспечению законности деятельности
административных мест принудительного
содержания в Российской Федерации 28

LEGAL RESEARCH DISCUSSION TRIBUNE

Kartashov A.V. Types of Digital Innovations
on the Financial Market (Financial Law Aspects) 23
Gulyaev D.E. A National Preventive Mechanism
as a New System of the State and Public Control
Facilitating Legality of Operations of Detention
Facility Administrations in the Russian
Federation 28

РЕЦЕНЗИИ

Мацкевич И.М. Рецензия на монографию
«Антикоррупционные меры безопасности»
(Е.А. Акунченко, С.П. Басалаева, М.А. Волкова
[и др.]; под ред. И.В. Щедрина, И.А. Дамм.
Красноярск, 2020. 430 с.) 35
Якушев П.А. Рецензия на монографию
И.В. Понкина, А.И. Редькиной «Цитирование
как метод сопровождения и обеспечения научного
исследования» (М.: ИНФРА-М, 2019) 40

REVIEWS

Matskevich I.M. A Review of a Monograph
Anti-Corruption Security Measures: monograph /
E.A. Akunchenko, S.P. Basalaeva, M.A. Volkova
et al.; edited by N.V. Schedrin, I.A. Damm.
Krasnoyarsk, 2020. 430 s. 35
Yakushev P.A. A Review of a Monograph
by I.V. Ponkin, A.I. Redkina Citation as a Research
Support Method (Moscow: INFRA-M, 2019) 40

АССОЦИАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (АЮРО)

Шенгелия Г.А. О решениях Президиума
Ассоциации юридического образования
от 23 октября 2020 г. 44

THE ASSOCIATION OF LAW EDUCATION

Shengelia G.A. On the Resolutions
of the Presidium of the Association
of Law Education of October 23, 2020 44

Перевод аннотаций 45

Translation of annotations 45

Требования к авторам журнала «Юридическое
образование и наука» по оформлению
научных статей 48

Requirements for the authors of the Legal
Education and Science journal for formatting
of scientific articles 48

Плата с авторов за публикацию
статей не взимается.

Центр редакционной подписки:
Тел./факс: (495) 617-18-88.

Адрес редакции / издателя:
115035, Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55,
стр. 7.

Тел./факс: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая
группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Физ. печ. л. 6,0.
Усл. печ. л. 6,0.
Общий тираж 2000 экз.

Полная или частичная
перепечатка материалов
без письменного разрешения
редакции преследуется по закону.

Подписка по России:
Объединенный каталог
«Пресса России» — 91852.
ISSN 1813-1190

Подписано в печать 24.11.2020.
Номер вышел в свет 03.12.2020.

Authors shall not pay for publication
of their articles.

Editorial Subscription Centre:
Tel./fax: (495) 617-18-88.

Address publishers / editors:
Bldg. 7, 26/55,
Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.

Тел./факс: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Printed by Svetlaya Polygraphic
Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya,
Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Size 60x90/8. Offset printing.
Printer's sheet 6,0.
Conventional printing sheet 6,0.
Circulation 2000 copies.

Complete or partial reproduction
of materials without written permission
of the editorial office shall be prosecuted
in accordance with law.

Subscription in Russia:
Unified Catalogue. Russian Press —
91852.
ISSN 1813-1190

Signed for printing 24.11.2020.
Issue was published 03.12.2020.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

№ 12
2020

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.
Зарегистрировано в Госкомпечати. Рег. ПИ № ФС77-29362 от 23 августа 2007 г.

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Редакционный совет:

Баранов В.М., доктор юридических наук, профессор,
Белов С.А., кандидат юридических наук, доцент,
Блажеев В.В., кандидат юридических наук, профессор,
Бублик В.А., доктор юридических наук, профессор,
Голиченков А.К., член-корреспондент РАО, доктор
юридических наук, профессор,
Перевалов В.Д., доктор юридических наук, профессор,
Калиниченко И.А., кандидат педагогических наук,
профессор,
Капустин А.Я., доктор юридических наук, профессор,
Кропачев Н.М., доктор юридических наук, профессор,
Курилов В.И., доктор юридических наук, профессор,
Лаптев В.В., доктор педагогических наук, кандидат
физико-математических наук, академик РАО, профессор,
Писарева С.А., доктор педагогических наук,
член-корреспондент РАО, профессор,
Суоров С.Б., доктор социологических наук, профессор,
Тряпицына А.П., доктор педагогических наук, профессор,
Швелева И.А., доктор юридических наук, профессор,
Шишко И.В., доктор юридических наук, профессор

Главные редакторы журнала:

Антонян Е.А., доктор юридических наук, профессор,
Цареградская Ю.К., доктор юридических наук, доцент

Почетный научный редактор журнала:

Мацкевич И.М., доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала:

Шенгелия Г.А., кандидат юридических наук

Рецензенты журнала:

Антонян Е.А., Баранов В.М., Барков А.В., Дикарев И.С.,
Дробышевский С.А., Ильин А.В., Кабанова И.Е.,
Лаптев В.В., Мацкевич И.М., Нарутто С.В., Петров М.П.,
Писарева С.А., Россинский С.Б., Салыгин Е.Н.,
Смирнов Д.А., Субботин В.Н., Тряпицына А.П.,
Цареградская Ю.К., Швелева И.А., Шенгелия Г.А.,
Шишко И.В., Шугрина Е.С., Щепельков В.Ф.

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В., член-корреспондент РАО, заслуженный
юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

Заместители главного редактора

ИГ «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н., Платонова О.Ф.,
Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Журнал рекомендуется Высшей аттестационной
комиссией при Министерстве науки и высшего
образования Российской Федерации для публикаций
основных результатов диссертаций на соискание ученых
степеней кандидата и доктора наук.

Founder: Jurist Publishing Group

Editorial Board:

Baranov V.M., LL.D., professor,
Belov S.A., PhD (Law), associate professor,
Blazheev V.V., PhD (Law), professor,
Bublik V.A., LL.D., professor,
Golichenkov A.K., corresponding member of the RAE,
LL.D., professor,
Perevalov V.D., LL.D., professor,
Kalinichenko I.A., PhD in Pedagogy, professor,
Kapustin A.Ya., LL.D., professor,
Kropachev N.M., LL.D., professor,
Kurilov V.I., LL.D., professor,
Laptev V.V., Doctor of Pedagogy, PhD in Physico-
Mathematical Sciences, RAE Academician, professor,
Pisareva S.A., Doctor of Pedagogy, corresponding member
of the RAE, professor,
Surovov S.B., Doctor of Sociology, professor,
Sheveleva N.A., LL.D., professor,
Shishko I.V., LL.D., professor,
Tryapitsyna A.P., Doctor of Pedagogy, professor

Editors in Chief:

Antonyan E.A., LL.D., professor,
Tsaregradskaya Yu.K., LL.D., associate professor

Honorary Scientific Editor of the Journal:

Matskevich I.M., LL.D., professor

Executive Editor of the Journal:

Shengelia G.A., PhD in Law

Reviewers of the Journal:

Antonyan E.A., Baranov V.M., Barkov A.V., Dikarev I.S.,
Drobyshevsky S.A., Ilyin A.V., Kabanova I.E.,
Laptev V.V., Matskevich I.M., Narutto S.V., Petrov M.P.,
Pisareva S.A., Rossinskiy S.B., Salygin E.N., Smirnov D.A.,
Subbotin V.N., Tryapitsyna A.P., Tsaregradskaya Yu.K.,
Sheveleva N.A., Shengelia G.A., Shishko I.V.,
Shugrina E.S., Shepelkov V.F.

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., corresponding member of the RAE, Honored
Lawyer of the RF, LL.D., professor

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Recommended by the Higher Attestation
Commission under the Ministry of Science
and Higher Education of the Russian Federation
for publications of results of doctoral
and PhD theses.

Организация сетевого обучения с включением онлайн-компонента*

Дивеева Нелли Ивановна,
профессор кафедры трудового и социального права
Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ),
доктор юридических наук
n.diveeva@spbu.ru

Дмитрикова Екатерина Александровна,
доцент кафедры административного и финансового права
Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ),
кандидат юридических наук
e.dmitrikova@spbu.ru

Васильев Илья Александрович,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ),
кандидат юридических наук, доцент
i.vasilev@spbu.ru

Целью настоящей статьи является формирование рекомендаций по организации сетевого обучения с использованием онлайн-компонента. В статье обозначены преимущества использования онлайн-компонента в образовательном процессе. Отмечено, что недостаточное использование потенциала онлайн-компонента во многом было обусловлено отсутствием единого подхода к решению вопроса об условиях включения онлайн-компонента в модель сетевого обучения. Кроме того, для целей освоения образовательных программ онлайн-компонент создают не только образовательные организации, но и образовательные платформы. **Методология:** в процессе подготовки статьи был использован диалектический метод, заключающийся в применении методов анализа, научного обобщения. **Выводы.** Авторы рассматривают организацию сетевого обучения как перспективное направление совместной деятельности образовательных организаций и иных организаций, располагающих ресурсами, необходимыми для реализации образовательных программ. В рамках проведенного исследования сформулированы ключевые характеристики сетевого обучения, проанализированы изменения в регулировании вопросов организации сетевого обучения. **Научная и практическая значимость.** С учетом обозначенных аспектов авторы предлагают возможные модели включения онлайн-компонента в организацию сетевого обучения. Выводы сформулированы применительно к системе высшего образования.

Ключевые слова: договор о сетевом обучении, образовательные онлайн-курсы, модульность сетевого обучения.

Образовательные программы различных вида, уровня и (или) направленности в совокупности с другими элементами формируют систему образования¹. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон об образовании)² предусматривает возможность реализации образовательных программ в сетевой форме, которую отличает ряд особенностей.

Во-первых, модульность обучения. Сетевой формат применим к освоению образовательных

программ, отдельных учебных предметов, курсов, дисциплин, практик, иных компонентов образовательной программы.

Во-вторых, сетевая форма позволяет «включать» в процесс реализации образовательной программы несколько организаций, осуществляющих образовательную деятельность, включая иностранные. Такой подход позволяет оптимально определить пул организаций, осуществляющих образовательную деятельность с целью формирования компетенций, заявленных в образовательных программах соответствующего уровня.

В-третьих, сетевая форма позволяет рационально использовать ресурсы, необходимые для организации обучения. В этой связи важно отметить, что Закон об образовании допускает использование ресурсов не только организаций,

¹ Статья 10 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

² Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00687 «Влияние цифровизации высшего образования на связанные с ним экономические процессы в современном российском обществе».

осуществляющих образовательную деятельность, но и иных организаций. Такой подход законодателя дает возможность объединить ресурсы организаций, осуществляющих образовательную деятельность, и организаций, не осуществляющих образовательную деятельность, но располагающих необходимыми ресурсами, а также вовлечь в реализацию программ представителей профессионального сообщества, потенциальных работодателей (заказчиков)³.

Общие положения о реализации образовательных программ в форме сетевого обучения установлены в ст. 15 Закона об образовании. Положения закона должны были обеспечить нормативную основу для реализации формата сетевого обучения. Вместе с тем на протяжении нескольких лет сохранялось «рамочное» законодательное регулирование, определяющее требования к содержанию договора о сетевом обучении⁴. Первая редакция указанной статьи закона не предусматривала подзаконное регулирование. В результате отсутствия единых нормативных установлений по ключевым вопросам организации сетевого обучения образовательные организации устанавливали собственные правила, что не способствовало единообразному применению ст. 15 Закона об образовании. Наиболее остро обозначился вопрос о признании результатов освоения части образовательной программы в другой образовательной организации. Не менее значимой проблемой стало определение статуса обучающегося. Часть 3 ст. 15 Закона об образовании предписывала включать в договор положения, определяющие статус обучающихся⁵. Заметим, что при этом обучающийся не являлся стороной договора о сетевом обучении. Подобная неопределенность вызывала ряд вопросов об объеме прав и обязанностей обучающегося в первичной и в принимающей организации⁶.

В декабре 2019 г. в Закон об образовании внесены изменения, которые ориентированы на развитие сетевого обучения⁷. Новая редакция закона расширила сферу реализации образовательных программ с использованием сетевой формы — до-

пускается освоение отдельных учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), практики, иных компонентов, предусмотренных образовательными программами (в том числе различных вида, уровня и (или) направленности). Обозначенный подход отразился на определении предмета договора о сетевой форме⁸.

Ключевым изменением следует признать определение сферы подзаконного регулирования организации сетевого обучения. Впредь порядок организации и осуществления образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ и примерная форма договора устанавливаются отраслевыми министерствами совместно⁹. Ранее статья 15 Закона об образовании предписывала порядок организации академической мобильности и порядок осуществления образовательной деятельности по образовательной программе, реализуемой посредством сетевой формы, включать в договор. Отсутствие соответствующих положений в договоре о сетевой форме реализации образовательной программы квалифицировалось как грубое нарушение законодательства и достаточное основание для принятия решения о приостановлении действия лицензии на осуществление образовательной деятельности и запрете приема в образовательное учреждение¹⁰.

В развитие законодательных изменений был утвержден порядок организации и осуществления образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ¹¹. В числе прочих вопросов на уровне подзаконного регулирования дифференцирован статус сторон договора о сетевой форме обучения: если базовой организацией может выступать только организация, осуществляющая образовательную деятельность, то организацией-участником признается любая организация, обладающая ресурсами для осуществления образовательной деятельности по сетевой образовательной программе. При этом допускается множественность сторон договора. Утвержденный порядок решил вопрос об определении статуса обучающегося: обучающийся зачисляется в базовую

³ Васильев И.А. Сетевая реализация образовательных программ партнерствами Европейского института инноваций и технологий // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2017. № 4 (28). С. 82.

⁴ Требования к содержанию договора были сформулированы в ч. 3 ст. 15 Закона об образовании.

⁵ Понятие обучающегося определено в ст. 2 Закона об образовании — «физическое лицо, осваивающее образовательную программу».

⁶ Бабич А.В., Швелева Н.А., Васильев И.А. Академическая мобильность обучающихся: действующее правовое регулирование и практика его применения // Закон. 2016. № 11. С. 57.

⁷ Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 403-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 49 (часть V). Ст. 6962.

⁸ Васильев И.А. Модельный договор о совместной деятельности участников кластера и договор о сетевой форме реализации образовательных программ: проблемы соотношения предмета и условий // Юридическая наука. 2017. № 3. С. 160.

⁹ Минобрнауки России, Минпросвещения России.

¹⁰ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20 апреля 2017 г. № 09АП-12854/2017 по делу № А40-207744/16. Оставлено без изменения Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 17 августа 2017 г. № Ф05-11121/2017.

¹¹ Приказ Минобрнауки России № 882, Минпросвещения России от 5 августа 2020 г. № 391 «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ» (вместе с «Порядком организации и осуществления образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ») // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (по сост. на 11.09.2020).

организацию в соответствии со ст. 55 Закона об образовании. Все выплаты и социальные гарантии, предусмотренные действующим законодательством, обеспечиваются за счет базовой организации. Зачисление в образовательную организацию — участника осуществляется путем перевода, зачисления обучающихся в организацию, обладающую ресурсами, не производится.

Применительно к вопросу о зачете результатов освоения учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), практики с использованием сетевой формы приходится констатировать, что должное регулирование в принятых подзаконных актах отсутствует.

Положения подзаконного акта, регламентирующего вопросы организации и осуществления образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ, ограничены установлением порядка проведения промежуточной и итоговой аттестаций¹². Существующий порядок зачета результатов освоения обучающимися учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), практики, дополнительных образовательных программ в других организациях, осуществляющих образовательную деятельность, не регулирует процедуру зачета в рамках реализации образовательных программ с использованием сетевой формы обучения и применяется при зачете результатов уже освоенной обучающимся ранее образовательной программы (ее части)¹³. Вместе с тем порядок зачета оставляет место автономии образовательной организации. Процедура установления соответствия, в том числе случаи, при которых проводится оценивание, и формы его проведения определяются локальным нормативным актом организации. При этом названия учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), практики, дополнительных образовательных программ могут текстуально не совпадать, но быть равнозначными или включающими соответствующее наименование. Объем пройденного обучения также может не совпадать, но должен позволять достигнуть планируемых результатов.

Как ранее отмечалось, новая редакция Закона об образовании допускает освоение курсов, дис-

циплин (модулей)... иных компонентов, предусмотренных образовательными программами, с использованием сетевой формы. При этом ресурсы, необходимые для осуществления образовательной деятельности, в законе не определены исчерпывающим образом, что позволяет отнести к таким ресурсам и онлайн-компоненты¹⁴.

Наиболее востребованным ресурсом являются онлайн-курсы, реализация которых связана с участием разных субъектов, не только образовательных организаций. Например, «Открытое образование» — образовательная платформа, предлагающая онлайн-курсы по базовым дисциплинам, изучаемым в российских университетах. Курсы национальной платформы разрабатываются в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов; соответствуют требованиям к результатам обучения образовательных программ, реализуемых в вузах¹⁵. Существует множество готовых платформ для создания и работы с онлайн-курсами, например Coursera или Stepik.

Онлайн-курсы и ранее признавались востребованным инструментом освоения компетенций, обеспечивающим возможность повысить качество образования, оптимизировать расходование бюджетных средств¹⁶. Потенциал онлайн-курсов стал очевиден в условиях принятия мер, направленных на предотвращение последствий коронавирусной инфекции.

В марте текущего года Министерство науки и высшего образования РФ в связи с неблагоприятной ситуацией по COVID-19 рекомендовало вузам организовать обучение студентов с использованием цифровых образовательных технологий вне места нахождения организаций¹⁷. Министерством был опубликован перечень бесплатных онлайн-курсов, в него вошли более 630 курсов по различным направлениям¹⁸. Образовательная платформа Coursera открыла вузам бесплатный доступ

¹⁴ Компонент в значении составной части чего-либо // Толковый словарь С.И. Ожегова. URL: <https://tolkovyj-slovar-ozhegova.slovaronline.com> (дата обращения: 14.10.2020).

¹⁵ Официальный сайт проекта «Национальная платформа открытого образования». URL: <https://npoed.ru/about> (дата обращения: 15.10.2020).

¹⁶ Шевелева Н.А., Лаврикова М.Ю., Васильев И.А. Юридические онлайн-курсы: ожидания и возможности // Закон. 2018. № 5. С. 177.

¹⁷ Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 397 «Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы высшего образования и соответствующие дополнительные профессиональные программы, в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации» // Сайт Министерства науки и высшего образования РФ. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/documents/card/?id_4=1064&cat=/documents/docs/ (дата обращения: 09.10.2020).

¹⁸ Их предоставляют МГУ, СПбГУ, ВШЭ, МИСиС, УрФУ, Политех, Финансовый университет и мн. др.

¹² Приказ Минобрнауки России № 882, Минпросвещения России № 391 от 5 августа 2020 г. «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ» (вместе с «Порядком организации и осуществления образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ») // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (по сост. на 11.09.2020).

¹³ Приказ Минобрнауки России № 845, Минпросвещения России № 369 от 30 июля 2020 г. «Об утверждении Порядка зачета организацией, осуществляющей образовательную деятельность, результатов освоения обучающимися учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), практики, дополнительных образовательных программ в других организациях, осуществляющих образовательную деятельность» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (по сост. на 28.08.2020).

к 3 800 онлайн-курсам по 400 специализациям для организации обучения в удаленном режиме¹⁹.

Отметим, что при этом каждый университет самостоятельно принимал решение об использовании онлайн-курсов. Объективные обстоятельства обозначили вызов — «встроить онлайн-курсы» в традиционный учебный процесс, который строго регламентирован законодательством об образовании. Представляется, что применительно к организации сетевого обучения имеют значение те онлайн-курсы, освоение которых завершается аттестацией и выдачей документа об образовании в соответствии с положениями ст. 60 Закона об образовании.

Требования к результатам освоения образовательных программ высшего образования могут быть установлены федеральными государственными образовательными стандартами или образовательными стандартами, которые разрабатываются и утверждаются в соответствии с ч. 10 ст. 11 Закона об образовании. Однако это не исключает ситуации, при которой дисциплины (модули) не будут соответствовать требованиям образовательных стандартов. Отметим, что ранее эта проблема была связана с тем, что часть образовательных организаций не включена в перечень образовательных организаций высшего образования, которые вправе разрабатывать и утверждать образовательные стандарты самостоятельно²⁰. В настоящий момент появилась новая «развилка» проблемы — условия и порядок признания результатов онлайн-курса, размещенного на платформе. Даже при условии, что содержательно онлайн-курс обеспечивает формирование компетенций, заявленных по результатам программы, нет уверенности в том, что такой курс будет зачтен как освоенный курс, дисциплина (модуль). Законодательство в сфере образования закрепляет право образовательных организаций на определение содержания образования, выбор учебно-методического обеспечения, образовательных технологий, форм, методов и приемов работы по реализуемым ими образовательным программам²¹. Эти положения в полной мере относятся к использованию сетевой формы реализации образовательных программ. Имплементация онлайн-курса в традиционный учебный процесс регламентируется не только нормативными правовыми актами в сфере образования, но и локальными актами образова-

тельной организации. Изложенное позволяет предложить в качестве разрешения проблемы включение соответствующих положений в локальный нормативный акт образовательной организации и отражение в договоре о сетевом обучении.

Оценивая потенциал использования онлайн-курсов в сетевом обучении в контексте действующей редакции ст. 15 Закона об образовании, полагаем возможным исходить из того, что образовательные программы в сетевой форме могут реализовываться с применением онлайн-курсов. Требования к содержанию и результатам освоения онлайн-курса могут устанавливаться базовой организацией (если образовательная программа утверждается базовой организацией) или совместно, при условии, что организация-участник является образовательной организацией.

С учетом изложенного для системы высшего образования востребованными представляются следующие модели сетевого взаимодействия: взаимодействие образовательной организации и организации, реализующей образовательные программы; взаимодействие образовательной организации и организации, реализующей образовательные программы дополнительного образования; взаимодействие образовательной организации и предприятия реального сектора экономики, реализующего образовательные программы.

В рамках сложившегося подхода к моделям сетевого взаимодействия очевидным представляется взаимодействие образовательных организаций в рамках договора о сетевой форме реализации образовательной программы, положениями которого будет определен объем ресурсов, необходимых для включения онлайн-компонента. При сетевой форме реализации образовательной программы организациями, осуществляющими образовательную деятельность, реализуется одна единая образовательная программа в соответствии с заключенным договором. Результаты промежуточной аттестации, проводимой организацией — стороной договора, являются результатами промежуточной аттестации по сетевой образовательной программе в целом и не требуют зачета в другой организации. В таком случае ресурсы обеспечивает образовательная организация — сторона договора.

Включение в сетевое взаимодействие специальных образовательных платформ возможно в рамках модели «образовательная организация — иная организация, обладающая ресурсами, необходимыми для осуществления образовательной деятельности». Этот вариант может быть скорректирован так: «образовательная организация — образовательная организация — иная организация, обладающая ресурсами». Действующей редакцией ст. 15 Закона об образовании допускается множественность участников сетевого договора. Вместе с тем возможна и другая модель взаимодействия, связанная с ис-

¹⁹ Ведущие вузы открыли онлайн-курсы для дистанционного обучения студентов. URL: <https://habr.com/ru/news/t/492750/>

²⁰ Указ Президента РФ от 9 сентября 2008 г. № 1332 (ред. от 01.02.2020) «Об утверждении перечня федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, которые вправе разрабатывать и утверждать самостоятельно образовательные стандарты по всем уровням высшего образования» // СЗ РФ. 2008. № 37. Ст. 4184.

²¹ Статья 28 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

пользованием онлайн-компонента. В сетевом договоре, который заключают образовательные организации, может быть предусмотрено освоение отдельных учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей) с использованием онлайн-ресурсов специальных образовательных платформ.

Выводы. Реализация образовательных программ в форме сетевого обучения обеспечивает кооперацию инфраструктурных, кадровых, материальных и интеллектуальных ресурсов. Для сферы высшего образования особенно ценно, что в образовательный процесс вовлекаются эксперты в соответствующей предметной области, что способствует формированию компетенций, обозначенных в рамках образовательной программы. Редакция положений Закона об образовании и принятые подзаконные нормативные правовые акты не препятствуют включению онлайн-компонента в организацию сетевого обучения. Напротив, подзаконное регулирование демонстрирует гибкий подход и поддерживает модульность сетевого обучения, а также расширяет автономию обра-

зовательных организаций по ключевым вопросам организации сетевого обучения с включением онлайн-компонента. Исходя из положений принятых подзаконных нормативных правовых актов, можно сделать вывод, что порядок признания результатов освоения онлайн-компонента, в том числе зачетных единиц, может быть определен в локальном нормативном акте базовой образовательной организации в соответствии с ч. 3 ст. 30 Закона об образовании и в договоре об организации сетевого обучения.

В условиях динамичного формирования рынка онлайн-обучения включение онлайн-компонента в образовательные программы, которые реализуются в сетевой форме, это данность и необходимость. Использование онлайн-компонента расширяет выбор организаций-участников, включая иностранные организации; обеспечивает развитие инноваций; открывает доступ к ресурсам ведущих вузов, что повышает качество образования и заинтересованность в реализации образовательных программ в форме сетевого обучения.

Литература

1. Бабич А.В. Академическая мобильность обучающихся: действующее правовое регулирование и практика его применения / А.В. Бабич, Н.А. Шевелева, И.А. Васильев // Закон. 2016. № 11. С. 50–58.
2. Васильев И.А. Модельный договор о совместной деятельности участников кластера и договор о сетевой форме реализации образовательных программ: проблемы соотношения предмета и условий / И.А. Васильев // Юридическая наука. 2017. № 3. С. 159–165.
3. Васильев И.А. Сетевая реализация образовательных программ партнерствами Европейского института инноваций и технологий / И.А. Васильев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 4 (28). С. 81–95.
4. Шевелева Н.А. Юридические онлайн-курсы: ожидания и возможности / Н.А. Шевелева, М.Ю. Лаврикова, И.А. Васильев // Закон. 2018. № 5. С. 176–186.

References

1. Babich A.V. Akademicheskaya mobilnost obuchayuschikhsya: deystvuyushee pravovoe regulirovanie i praktika ego primeneniya [Academic Mobility of Students: Current Legal Regulation and Practice of Its Application] / A.V. Babich, N.A. Sheveleva, I.A. Vasilyev // Zakon — Law. 2016. № 11. S. 50–58.
2. Vasilev I.A. Modelny'y dogovor o sovместной deyatelnosti uchastnikov klastera i dogovor o setevoy forme realizatsii obrazovatelny'kh programm: problemy' sootnosheniya predmeta i usloviy [Pattern Contact on Common Activity of the Cluster Participants and Contract on the Network Form of Educational Programs Implementation: Problems of the Subject-Conditions Correlation] / I.A. Vasilev // Yuridicheskaya nauka — Legal Science. 2017. № 3. S. 159–165.
3. Vasilev I.A. Setevaya realizatsiya obrazovatelny'kh program partnerstvami Evropeyskogo instituta innovatsiy i tekhnologiy [Network Implementation of Educational Programs by Partnerships of the European Institute of Innovations and Technologies] / I.A. Vasilev // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo instituta. Seriya: Yuridicheskie nauki — Bulletin of the Moscow City University. Series: Legal Sciences. 2017. № 4 (28). S. 81–95.
4. Sheveleva N.A. Yuridicheskie onlayn-kursy': ozhidaniya i vozmozhnosti [Legal Online-Courses: Expectations and Possibilities] / N.A. Sheveleva, M.Yu. Lavrikova, I.A. Vasilev // Zakon — Law. 2018. № 5. S. 176–186.

Дистанционный труд научно-педагогических работников: правило vs исключение?*

Захарова Мария Владимировна,

доцент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доктор публичного права (Франция),
член-корреспондент Международной академии сравнительного права
avis_777@mail.ru

Цель. Провести анализ перспектив введения дистанционного труда научно-педагогических работников в зону типичной занятости. **Методология:** базовым методом представленного научного исследования станет сравнительно-правовой метод, в рамках которого планируется провести компаративный анализ, осуществляемый в рамках междисциплинарного (сопоставление юридической доктрины со смежными областями знания, такими как социология, экономика и др.), межотраслевого (сравнительный анализ подходов, используемых в общей теории права), трансграничного (сравнение различных национальных правовых систем), а также хронологического (исторический сравнительный анализ) подходов. **Выводы.** По результатам исследования автор пришел к следующим немаловажным выводам: дистанционный труд является ярким проявлением нормативного регулирования с применением цифровых технологий. Трудовые кодексы и трудовое законодательство разных стран, появившиеся в индустриальную эпоху XX в., на данный момент только в начале пути в разрешении этой проблемы. На данном этапе развития юридической карты мира дистанционный труд научно-педагогических работников является, скорее, исключением, чем правилом. Однако в последние годы настолько убыстрились темпы эволюции общественных отношений в целом, причем в качественном и количественном отношении, что в будущем, возможно, привычные формы проведения занятий со студентами будут если и не полностью отменены, то видоизменены в сторону активной цифровизации в разных ее проявлениях. **Научная и практическая значимость.** Выводы, содержащиеся в статье, имеют практическую значимость для развития сравнительного права, отраслевого права, а также общетеоретических юридических дисциплин различных государств мира.

Ключевые слова: право, российский, зарубежный, занятость, научно-педагогические работники.

За последние десятилетия цифровизация все с большей интенсивностью проникает в различные сферы общественной жизни. Как на интеграционных площадках, так и на уровне национальных государств вводятся различные проекты по «цифровой экономике». Хотя более точно следует говорить в данном случае о цифровизации не только экономической подсистемы общества, но и более широкого спектра общественных связей и процессов¹.

В отношении правовой системы общества амплитуда влияния цифровизации достаточно широкая: от средства по разрешению тех или иных юридически значимых проблем регламентационной зоны действия до участия искусственного интеллекта (ИИ) в правотворческом и правоприменительном процессах. В последнем случае мы можем говорить о том, что список творцов права дополняется новыми акторами. В зарубежной литературе в связи с развитием цифровизации данное явление получило метафорическое наименование Google Law. Конечно же, не только эта транснациональная корпорация пытается пробраться на старую, добрую кухню права. Первые такие попытки мы можем заметить еще в середине XX в. Пионером

в этом отношении считают Джона Харти², который в 1955 г. на базе Университета Пенсильвании провел компьютерную обработку юридических текстов с использованием технологии text retrieval³. В 1963 году Стюарт Нагель опубликовал статью, в которой выдвинул идею об использовании математических корреляций для прогнозирования с научной точки зрения результатов судебного спора⁴. А в 2006 году Лоуренс Лессиг предложил механизмы создания права через компьютерные коды⁵.

В отношении правоприменительных практик следует отметить институт предиктивного правосудия. Предиктивное правосудие на данный момент только завоевывает социальные площадки на современных юридических картах мира. При этом европейские юрисдикционные площадки относятся к внедрению данного института с определенной долей осторожности, тогда как американские достаточно активно его используют. Указанный институт основан на технологии Legal Tech и пра-

¹ См. по данному вопросу, в частности, французский Закон «О цифровой республике».

² Paliwala A. A history of legal informatics: An introduction // A history of legal informatics / ed. by A. Paliwala. Saragoose: Universidad de Zaragoza, 2010.

³ Text retrieval — сопоставление некоторого заданного пользовательского запроса с набором записей.

⁴ Nagel S. Applying Correlation Analysis to Case Prediction // Texas Law Review. 1963. № 42. P. 1006.

⁵ Lessig L. Code: Version 2.0. New York: Basic Books, 2006.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00672.

восудием в точном смысле слова не является, поскольку в его функционал не входит разрешение спора как таковое. Задача предиктивного правосудия — создание алгоритмов для анализа в короткие сроки огромного количества ситуаций, которые позволяют предвидеть исход спора или по крайней мере оценить шансы на успех. Плюс введения указанного института очевиден — научная обоснованность судебного решения. Основные же минусы можно уместить в метафоричную формулу «100 судей в одном решении». Речь идет о том, что, используя прошлые практики по юридическим казусам, которые готово предоставить предиктивное правосудие, правоприменитель в некоторой мере ограничивается в свободе принятия решения⁶.

Дистанционный труд работников представляет собой как раз первый из названных случаев влияния цифровизации на правовые системы мира. Здесь мы имеем дело с так называемыми нетипичными вариантами трудовой занятости, связанными с использованием цифровых технологий. В европейском юридическом поле введен специальный термин ICT-based mobile work — работа, связанная с применением информационно-коммуникационных технологий, при которой работник не привязан к конкретному месту нахождения работодателя и может выполнять ее где угодно. Данный вариант выполнения трудовой функции назван в докладе Еврофонда в числе одной из девяти новейших нетипичных форм занятости в современном мире⁷.

Согласно данным статистики, использование института дистанционного труда неравномерно на юридической карте мира. Так, например, в США в 2017–2018 гг. каждый четвертый работник выполнял хотя бы часть своей работы на дому, а в 2019 г. 13% работников выполняли работу дома весь день не менее одного раза в две недели, а 3,6% работников выполняли работу полностью вне месторасположения работодателя не менее половины своих рабочих дней⁸.

В России, для сравнения, на 2019 г., по данным Росстата⁹, из 67,1 млн занятых в стране лишь 30 тыс. человек работали по «дистанционным» тру-

довым договорам, т.е. на одного дистанционного работника приходилось более 2 200 «стационарных»¹⁰.

Как отмечают специалисты в области трудовых права, вместе с заметным повышением комфортности трудовой функции (прежде всего для работника, который не тратит время и финансовые средства на путь от дома до работы) дистанционный труд порождает определенный спектр юридических вопросов, которые в равной мере актуальны как в Западном, так и Восточном полушарии юридической карты мира. Одной из главных проблем становится проблема разграничения времени отдыха и времени работы. Если типичный работник индустриальной эпохи в большинстве случаев мог себе позволить, уходя с работы, «оставить в офисе» все проблемы, связанные с трудом, и переключить свое внимание на семью и досуг, то в современном обществе типичный офисный работник все чаще «приносит домой» все рабочие проблемы, продолжая (иногда в любое время дня и ночи) отвечать на звонки и письма по работе. Это приводит к тому, что человек полноценно не восстанавливает свои силы дома, не воспринимает дом и время отдыха как свободное от работы место и время. Вследствие этого проблема эмоционального выгорания и стресса на рабочем месте становится, как никогда ранее, острой¹¹. В 2016 году, отмечая Всемирный день охраны труда, МОТ издала программный доклад, посвященный проблеме стресса на рабочем месте, который уже стал восприниматься как фундаментальная угроза здоровью работников¹².

Дистанционный труд проникает и в научно-образовательный сектор, о чем свидетельствует многочисленная мировая практика. Одним из пилотных проектов в данном отношении следует считать создание еще в 1975 г. Открытого университета Великобритании. За 30 лет своего существования этот университет стал мировым лидером в дистанционном обучении и стремится играть ведущую роль в распространении высшего и последилового образования на обширном пространстве — от Дублина до Петропавловска-Камчатского. Сейчас в 400 учебных центрах, преподающих по программам университета, обучается более 200 тыс. человек ежегодно¹³.

На сегодняшний день институт «открытого университета» становится распространенной практикой не только для европейских и североамериканских образовательных заведений, но и для эконо-

⁶ См. подробно по данному вопросу: Захарова М.В. Все еще Эдисн?, или Будущее права / право без будущего // ЭНОЖ-История. 2020. № 8.

⁷ См. подробно: Черных И.В. Влияние нетипичных форм занятости на теоретические представления о трудовом отношении (на примере норм о дистанционном труде) // Актуальные проблемы российского права. 2019. Август. № 8 (105). С. 109; Eurofound. New forms of employment. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2015. P. 7–8.

⁸ Все данные приведены по: Pabilonia S.W., Vernon V. Telework and Time Use in the United States. Preprint. May 2020. DOI: 10.13140/RG.2.2.25722.11204. URL: https://www.researchgate.net/publication/341341709_Telework_and_Time_Use_in_the_United_States

⁹ Итоги выборочного обследования рабочей силы. Обследование рабочей силы 2019 / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://gks.ru/storage/mediabank/ors-2019-all.rar>

¹⁰ См. подробно по данному вопросу: Лютов Н.Л. Законодательные инициативы, связанные с дистанционным трудом: временный ажиотаж на фоне пандемии или устойчивая тенденция // Журнал российского права. 2020. № 12.

¹¹ См.: Там же.

¹² Стресс на рабочем месте: коллективный вызов / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. М.: МОТ, 2016.

¹³ См.: Шуинов А. Эксклюзивный партнер Открытого университета Великобритании // Высшее образование в России. 2005. № 7. С. 42.

мик развивающегося типа. Характерным примером в данном случае следует считать масштабный проект, запущенный в 1985 г. в Индии по инициативе правительства страны. Открытый университет носит имя Индиры Ганди и сегодня объединяет под своими виртуальными стенами более 4 млн человек!

Проникая во все уголки современной политической, юридической и экономической карты мира, институт «открытого университета» становится основой интеграционной практики государств в этом вопросе. Так, в определенной степени продолжением конструкции «открытого университета» следует считать глобальную сеть мегауниверситетов: Global Mega-University Net — GMUNET. Термин «мегауниверситет» был впервые введен Дж. Дэниэлом в его известной книге, посвященной мегауниверситетам¹⁴. Введение этой новой категории высших учебных заведений Дж. Дэниэл объясняет очевидным влиянием масштабного фактора на те проблемы, с которыми сталкивается дистанционный вуз. Формальным признаком мегавуза является количество студентов — не менее 100 тыс. человек.

Однако само понятие значительно шире, оно включает ряд критериев, из которых главными являются: использование дистанционных образовательных технологий на основе ИКТ; открытость, доступность образования; гарантия высокого качества обучения при одновременной ориентации на массовое образование; эффективная поддержка студентов. В 2003 году в г. Шанхае (Китай) произошло исключительно важное событие, повлиявшее на дальнейшую стратегию развития дистанционного образования в мире, — состоялся Первый Всемирный саммит руководителей мегауниверситетов мира, на котором была принята декларация о создании глобальной сети мегауниверситетов (Global Mega-University Net — GMUNET)¹⁵.

Апологеты конструкции «открытого университета» утверждают, что, по сравнению с традиционным (массовым) университетом, Открытый (виртуальный) университет показал себя более эффективным в решении таких задач, как:

- разработка теории по повышению уровня знаний (исследований);
- корректировка интеллектуальных, диагностических методов и методов планирования с целью сделать их более приспособленными к постоянным изменениям, происходящим в мире;
- развитие индивидуумами собственных способностей;
- максимальное обеспечение соответствия целей, стоящих перед институтами образования,

потребностям социально-культурного и экономического развития;

- выдвижение достойного предложения на спрос на интеллектуальные ресурсы со стороны производственных сил¹⁶.

С представленными утверждениями можно отчасти согласиться, презюмируя идею о том, что открытый университет — это прежде всего воплощенная идея о доступности образования, о реализации потенциала молодежи в интеллектуальной сфере в случае, когда по ряду причин (прежде всего экономического и географического характера) традиционные образовательные формы недоступны. Но в паре «открытый университет — традиционный университет» первый из названных вариантов образовательного процесса — это исключение, второй — правило и генеральная линия. Такое положение вещей сохранялось до недавнего времени в мировом образовательном пространстве. Водораздел был обозначен в этом (как, впрочем, и во многих других социальных практиках и аспектах человеческой жизни) в связи с эпидемиологической ситуацией в мировом масштабе, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции. Университеты по всему миру массово начали закрывать свои дубовые многовековые двери для аудиторных занятий.

Какова реакция общественности на подобные экстраординарные и, безусловно, вынужденные шаги университетских администраций по всему миру? Среди студентов и их родителей, по данным социологических опросов, в том числе и в России, мы видим, скорее, негативную реакцию. Общий ее детерминизм понятен — «мы платили деньги и (или) поступали на очную форму обучения, а получаем, по сути, заочный формат образовательной деятельности».

Сами научно-педагогические работники смотрят на ситуацию неоднозначно. В целом их позицию можно представить через три вектора: 1) молчаливое согласие на изменение формы трудовой деятельности; 2) многочисленные жалобы на сложность работы в дистанционном формате — от эмоционального характера (отсутствие психологического и интеллектуального контакта с аудиторией) до физической усталости проведения занятий в таком режиме; 3) отказ вернуться к привычному формату образовательного процесса по причине боязни стать жертвой нового вируса (показателен в данном случае пример Франции, где профессора университетов и учителя школ открыто выходили на массовые манифестации по данному вопросу).

Таково текущее положение вещей в мировом образовании, которое продиктовано чрезвычайным, но, хотелось бы верить, все-таки актуальным, а не

¹⁴ Daniel John S. Mega-universities and Knowledge Media // Technology Strategies for Higher Education. London, 1996.

¹⁵ См.: Слесарчук О.М. Мегауниверситет как основа качественного образования // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. СПб., 2009. № 96. С. 108.

¹⁶ См.: Бриганти А., Хоминич И.П. Инновационная модель открытого университета // Вестник РЭА. 2011. № 3.

перманентным положением вещей. В отсутствие чрезвычайного и выходящего за рамки привычного может ли дистанционный труд научно-педагогических работников стать нормой, а традиционный, веками и тысячелетиями репродуцируемый вариант их деятельности, начиная с Академии Платона и Лицея Аристотеля, напротив, — исключением?

По нашему мнению, ответ на представленный дискурс зависит от того, как мы можем оценить результат обучения студента в дистанционном формате. Можем ли мы, в частности, доверять выпускнику медицинского вуза операцию на открытом сердце, если он только прослушал лекцию об операции на открытом сердце, но не ассистировал на ее проведении? Пока дистанционный образовательный процесс по передаче знаний от профессора к студенту несовершенен, и, даже если такие технологии, как дополненная реальность и им подобные, будут активно вводиться в практику образовательного процесса и станут атрибутом дистанционного труда научно-педагогических работников, очевидно, что в некоторых областях знаний, и прежде всего естественно-научных, избежать очного присутствия студента пока невозможно.

Дистанционный труд научно-педагогических работников — это, конечно, не только вопрос «Как?», но и вопрос «Кто?». Так, в 2018 году на базе Военной академии США был проведен эксперимент: за кафедру встала черпокожая девушка — преподаватель философии. И это был... робот. Разработчики дали ей имя Vina 48 (от английского — *Breakthrough Intelligence via Neural Architecture*). И в этом вопросе, на наш взгляд, у ИИ гораздо больше перспектив (на уровне исключения и, определенно, изюминки образовательного процесса) именно в ближайшем будущем, чем у идеи сделать дистанционный труд научно-педагогических работников нормой, а не исключением и вывести его из зоны нетипичной занятости в зону занятости типичной.

В завершение следует сказать, что нельзя, конечно, отделять проблему дистанционного труда научно-педагогических работников от общеправовых проблем для работников с дистанционной формой трудовой деятельности в целом.

Со стороны работодателя проблема дистанционного труда кроется прежде всего в поиске новых путей контроля за осуществлением трудовых функций, так как нахождение работника вне своего непосредственного рабочего места существенно снижает процент так называемых традиционных средств и методов контроля.

С методологической позиции также главная проблема дистанционного труда проявляется в том, что в его парадигме подвергается эрозии сама суть трудового отношения, которая проявляется в регламентации труда как процесса, а не результата¹⁷. В случае с использованием дистанционных технологий трудовое отношение приближается по значению к гражданско-правовому, где, напротив, труд регламентируется не как процесс, а как результат.

В качестве выводов по представленной выше проблеме заметим, что дистанционный труд является ярким проявлением нормативного регулирования с применением цифровых технологий. И на данном примере как нельзя более отчетливо заметны проблемы встраивания нового технологического института в «старые контуры» юридической карты мира. Трудовые кодексы и трудовое законодательство различных стран мира, появившиеся в индустриальную эпоху XX в., на данный момент только в начале пути в разрешении этой проблемы.

Отвечая же на поставленный в заглавии статьи вопрос о перспективах дистанционного труда научно-педагогических работников, следует признать, что на данном этапе представленный вектор является, скорее, исключением, чем правилом. Однако в последние годы настолько убыстрились темпы эволюции общественных отношений в целом, причем в качественном и количественном отношении, что в будущем, возможно, привычные формы проведения занятий со студентами будут если и не полностью отменены, то видоизменены в сторону активной цифровизации в разных ее проявлениях.

¹⁷ См.: Лютов Н.Л. Дистанционный труд: опыт Европейского Союза и проблемы правового регулирования в России // *Lex Russica*. 2018. Октябрь. № 10 (143). С. 32.

Литература

1. Бриганти А., Хоминич И.П. Инновационная модель открытого университета / А. Бриганти, И.П. Хоминич // *Вестник Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова*. 2011. № 3 (39). С. 22–30.
2. Захарова М.В. Все еще Элис?, или Будущее права / право без будущего / М.В. Захарова // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2020. Т. 11. № 8 (94). С. 30.
3. Лютов Н.Л. Дистанционный труд: опыт Европейского Союза и проблемы правового регулирования в России / Н.Л. Лютов // *Lex Russica* (Русский закон). 2018. № 10 (143). С. 30–39.
4. Лютов Н.Л. Законодательные инициативы, связанные с дистанционным трудом: временный ажиотаж на фоне пандемии или устойчивая тенденция / Н.Л. Лютов // *Журнал российского права*. 2020. № 12.
5. Слесарчук О.М. Мегауниверситет как основа качественного образования / О.М. Слесарчук // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2009. № 96. С. 107–109.

6. Черных Н.В. Влияние нетипичных форм занятости на теоретические представления о трудовом отношении (на примере норм о дистанционном труде) / Н.В. Черных // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 108–117.
7. Шуинов А. Эксклюзивный партнер Открытого университета Великобритании / А. Шуинов // Высшее образование в России. 2005. № 7. С. 42–44.
8. Daniel J.S. Mega-universities and Knowledge Media. Technology Strategies for Higher Education / J.S. Daniel. London : Routledge, 1996. 224 p.
9. Lessig L. Code: And Other Laws of Cyberspace. Version 2.0 / L. Lessig. 2nd Revised ed. edic. New York : Basic Books, 2006. 431 p.
10. Nagel S. Applying Correlation Analysis to Case Prediction / S. Nagel // Texas Law Review. 1963. Vol. 42. P. 1006–1017.
11. Pabilonia S.W. Telework and Time Use in the United States / S.W. Pabilonia, V. Vernon // GLO Discussion Paper. No. 546. Global Labor Organization (GLO). Essen, 2020. 61 p.
12. Paliwala A. A history of legal informatics: An introduction // Paliwala A. A history of legal informatics. Saragoose : Universidad de Zaragoza, 2010. 288 p.

References

1. Briganti A., Khominich I.P. Innovatsionnaya model otkry'togo universiteta [The Open University Innovation Model] / A. Briganti, I.P. Khominich // Vestnik Rossiyskoy ekonomicheskoy akademii im. G.V. Plekhanova — Bulletin of the Plekhanov Russian Academy of Economics. 2011. № 3 (39). S. 22–30.
2. Zakharova M.V. Vse esche Elis?, ili Budushee prava / pravo bez budushego [Still Alice?, or The Future of the Law / The Law without a Future] / M.V. Zakharova // Elektronny'y nauchno-obrazovatelny'y zhurnal 'Istoriya'. 2020. T. 1 — History Electronic Scientific and Educational Journal. 2020. Vol. 11. № 8 (94). S. 30.
3. Lyutov N.L. Dstantsionny'y trud: opyt' Evropeyskogo Soyuza i problemy' pravovogo regulirovaniya v Rossii [Remote Work: Experience of the European Union and Issues of Legal Regulation in Russia] / N.L. Lyutov // Lex Russica (Russkiy zakon) — Lex Russica (Russian Law). 2018. № 10 (143). S. 30–39.
4. Lyutov N.L. Zakonodatelny'e initsiativy', svyazanny'e s dstantsionny'm trudom: vremenny'y azhiotazh na fone pandemii ili ustoychivaya tendentsiya [Legislative Initiatives Related to Remote Work: Temporary Boom Due to the Pandemic or a Stable Trend] / N.L. Lyutov // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2020. № 12.
5. Slesarchuk O.M. Megauniversitet kak osnova kachestvennogo obrazovaniya [A Mega-University as a Basis for High-Quality Education] / O.M. Slesarchuk // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena — Bulletin of the Herzen State Pedagogical University of Russia. 2009. № 96. S. 107–109.
6. Chernykh N.V. Vliyanie netipichny'kh form zanyatosti na teoreticheskie predstavleniya o трудовом отношении (на примере норм о дистанционном труде) [The Influence of Non-Typical Forms of Employment on Theoretical Ideas of Labor Relations (on the Example of the Remote Work Regulations)] / N.V. Chernykh // Aktualny'e problemy' rossiyskogo prava — Relevant Russian Law Issues. 2019. № 8 (105). S. 108–117.
7. Shuinov A. Eksklyuzivny'y partner Otkry'togo universiteta Velikobritanii [The Exclusive Partner of the Open University of Great Britain] / A. Shuinov // Vy'sshee obrazovanie v Rossii — Higher Education in Russia. 2005. № 7. S. 42–44.
8. Daniel J.S. Mega-universities and Knowledge Media. Technology Strategies for Higher Education / J.S. Daniel. London : Routledge, 1996. 224 s.
9. Lessig L. Code: And Other Laws of Cyberspace. Version 2.0 / L. Lessig. 2nd Revised ed. edic. New York : Basic Books, 2006. 431 s.
10. Nagel S. Applying Correlation Analysis to Case Prediction / S. Nagel // Texas Law Review. 1963. Vol. 42. S. 1006–1017.
11. Pabilonia S.W. Telework and Time Use in the United States / S.W. Pabilonia, V. Vernon // GLO Discussion Paper. No. 546. Global Labor Organization (GLO). Essen, 2020. 61 s.
12. Paliwala A. A history of legal informatics: An introduction // Paliwala A. A history of legal informatics. Saragoose : Universidad de Zaragoza, 2010. 288 s.

DOI: 10.18572/1813-1190-2020-12-13-18

Правовая природа принципа разумного срока и его развитие в российском уголовном процессе

Кувалдина Юлия Владимировна,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева,

кандидат юридических наук, доцент

iyulia79@mail.ru

Марьина Евгения Владимировна,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева,

кандидат юридических наук

urclin@yandex.ru

Цель. Авторы статьи предлагают для обсуждения проблематику, связанную с определением природы разумного срока через призму общепризнанных свойств принципов, для того чтобы показать, что включение статьи 6.1 в уголовно-процессуальный закон имело не только внешние факторы (в первую очередь — влияние решений ЕСПЧ), но и внутренние, исторические предпосылки, а также потребности практики. **Методология:** при подготовке исследования были использованы как общенаучные, так и специальные методы: системного анализа, исторического, конкретно-социологического и формально-юридического. **Выводы.** 1. Разумный срок, с одной стороны, можно рассматривать как межотраслевой организационный принцип правосудия, а с другой стороны, как организационный принцип всего уголовного процесса. 2. Принцип разумного срока обязывает должностных лиц правоохранительных органов осуществлять свою деятельность: а) с соблюдением процессуального срока; б) своевременно; в) с возможной быстротой. 3. Быстрота означает выполнение правоприменителем всех необходимых и достаточных процессуальных действий раньше установленных законом для их производства предельных сроков. 4. Разумный уголовный процесс может быть как длительным, так и скорым, но не выходящим за рамки установленных законом сроков. 5. Разумный срок судопроизводства содержит общие положения (обязанность соблюдать процессуальные сроки; обязанность осуществлять производство оперативно, с учетом критериев, содержащихся в законе), которые конкретизируются в других статьях уголовно-процессуального закона. 6. За нарушение разумного срока установлены превентивные и пресекающие меры воздействия. **Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование может быть полезно научным работникам, преподавателям высших учебных заведений, аспирантам, интересующимся проблемами уголовного процесса.

Ключевые слова: разумный срок, свойства принципов, уголовное судопроизводство, быстрота процесса, ускорение дела, процессуальный срок.

Вот уже как три десятилетия в России одной из ведущих тенденций развития уголовного процесса является идея его оптимизации. Эта тенденция связана с необходимостью разрешения двух проблем, с которыми столкнулась современная отечественная уголовная юстиция, — нарушения установленных процессуальным законодательством сроков расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел, а также чрезмерной длительности производства по ним. Одной из мер, направленных на оптимизацию уголовного процесса, стало дополнение Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ Уголовно-процессуального кодекса РФ (УК РФ) ст. 6.1, регулирующей принцип разумного срока уголовного судопроизводства.

С появлением этой нормы не теряет актуальности вопрос, связанный с обоснованностью включения законодателем разумного срока уголовного судопроизводства в систему действующих принципов. Многие процессуалисты разделяют пози-

цию законодателя¹. Вместе с тем высказываются и мнения о том, что разумный срок уголовного судопроизводства выступает элементом других принципов, как закрепленных в УПК РФ (например, принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве)², так и не закрепленных в нем (например, принципов справедливости и процессуальной экономии)³; целью уголовного судопроизводства⁴; институтом уголовного процесса, который должен быть закреплен в главе УПК РФ, посвященной процес-

¹ Апостолова Н.Н. Разумный срок уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2010. № 9. С. 64.

² Аширбекова М.Т., Некенова С.Б. Разумный срок уголовного судопроизводства как правовое понятие // Администратор суда. 2014. № 1. С. 30.

³ Поляков М.П., Смолин А.Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011. 151 с.

⁴ Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 32–33.

суальным срокам⁵; частью назначения уголовного судопроизводства⁶; разновидностью процессуальных сроков⁷.

Выскажем свою позицию по данному вопросу. Закрепление тех или иных правил в качестве принципа должно иметь под собой основание. Имелись ли таковые для нормативного урегулирования разумного срока в качестве принципа уголовного процесса? Для ответа на этот вопрос обратимся к историческим корням этого института. Первыми мерами, направленными на обеспечение оперативности рассмотрения уголовных дел, стало установление в Судебнике 1497 г. (ст. 32, 36, 50) и Судебнике 1550 г. (ст. 49) ответственности в форме возмещения ущерба стороной и свидетелями, затягивающими процесс.

Впоследствии нормативно была установлена и ответственность судьи, допускающего волокиту при рассмотрении уголовного дела, а к материальной ответственности ответчика добавилась и уголовная: в случае троекратной неявки в суд ответчик признавался виновным в совершении преступления без судебного следствия (ст. 15, 22, 24 гл. X Соборного уложения 1649 г.). Следующей по хронологии мерой, направленной на быстроту рассмотрения дела, стало закрепление в гл. 4 Генерального регламента 1720 г. предельного срока судопроизводства по уголовным делам — 6 месяцев. Его нарушение без законной причины влекло материальную ответственность (гл. 4). Впоследствии Указом Екатерина II от 10 февраля 1763 г. был установлен еще более короткий срок судопроизводства по делам о воровстве, разбое и пристанодержательстве — 1 месяц. Главой 5 первой части процесса Краткого изображения процессов или судебных тяжб 1715 г. предусматривалась такая мера, направленная на ускорение рассмотрения дел, как заочное производство. Свод законов уголовных 1832 г. (ст. 1072) закрепил в качестве одной из задач, стоящей перед правоприменителем, принятие решений по делам, по которым лица находились под стражей, со «всей возможной скоростью», без «малейшей остановки». Дальнейшее развитие данная задача получила уже в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. В соответствии с Указом Александра II 1864 г. «Об учреждении судебных установлений и о Судебных уставах» задачей судебной реформы ставилось создать суд «скорый и правый». В соответствии с этим Уставом уголов-

ного судопроизводства 1864 г. предусматривался ряд мер, направленных на рациональную организацию процесса. Так, в ст. 266 устава указывалось, что судебный следователь должен принимать своевременно меры, необходимые для собирания доказательств, и не допускать никакого промедления в обнаружении и сохранении таких следов и признаков преступления, которые могут изгладиться. Ускорению производства по уголовному делу способствовали также и предусмотренные уставом возможность сокращения судебного следствия в окружных судах при рассмотрении дела присяжными заседателями; введение института мировых судей и впоследствии — возможность сокращения судебного следствия при рассмотрении ими дела; установление оптимального числа судебных инстанций, которые могло пройти то или иное дело. В УПК РСФСР в редакциях 1922 и 1923 гг. прямо не содержалось положений о разумном сроке судопроизводства. Вместе с тем первые советские кодексы четко регламентировали сроки дознания и предварительного следствия (ст. 107, 108, 119 УПК РСФСР 1922 г., ст. 105, 106, 116 УПК РСФСР 1923 г.); устанавливали материальную ответственность подсудимых («издержки по отложению заседания»), которые без уважительных причин не являлись по вызову в суд (ст. 146, 271 УПК РСФСР 1922 г., ст. 143, 267 УПК РСФСР 1923 г.); закрепляли правило о непрерывности судебного заседания (ст. 262 УПК РСФСР 1922 г., ст. 258 УПК РСФСР 1923 г.); выделяли судебные процедуры, отличные от обычной большей оперативностью (производство в дежурных камерах (ст. 397–402 УПК РСФСР 1922 г., ст. 360–365 УПК РСФСР 1923 г.), заочное рассмотрение уголовных дел (ст. 269, 270, 388–396 УПК РСФСР 1922 г., ст. 265, 266, 351–359 УПК РСФСР 1923 г.), производство о вынесении судебного приказа (ст. 366–372 УПК РСФСР 1923 г.), производство по делам частного обвинения (ст. 4, 8, 10, 237, 260, 274, 283, 308, 310 УПК РСФСР 1922 г., ст. 4, 8, 10, 233, 256, 270, 279, 304, 306 УПК РСФСР 1923 г.). УПК РСФСР 1960 г. одной из основных задач уголовного процесса назвал «быстрое раскрытие преступлений» (ст. 2). Концепция судебной реформы в РСФСР, утвержденная Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1, выделила основные проблемы, связанные с производством по уголовным делам: ухудшение показателей сроков судебного разбирательства и исполнения судебных решений, затягивание сроков предварительного расследования и нахождения обвиняемых под стражей; предложила создать разумный порядок судопроизводства, в том числе путем реализации мер, направленных на сокращение его сроков, возрождение мировой юстиции, использование суммарного производства при рассмотрении дела мировыми судьями, если обвиняемый признал вину в совершении преступления, сохранение только одной формы предварительного расследования —

⁵ Быков В.М. Новый закон о разумном сроке уголовного судопроизводства // Законность. 2010. № 11. С. 23.

⁶ Шадрин В.С. Разумный срок уголовного судопроизводства: сущность, значение, правовая регламентация // Криминалист. 2017. № 2 (21). С. 50–51.

⁷ Демидова Е.Т., Околелова А.С. Понятие разумного срока уголовного судопроизводства через призму практики Европейского Суда по правам человека // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / гл. ред. А. А. Вотинов. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2015. Вып. 3. С. 85–88.

следствия, упразднение стадии возбуждения уголовного дела, ускорение делопроизводства путем внедрения новых информационных технологий, создания автоматизированных рабочих мест и т.д.

Необходимо обратиться и к внешним предпосылкам появления в отечественном процессуальном законе принципа разумного срока. С одной стороны, Россия обязана соблюдать требования международно-правовых актов, к которым присоединилась, в частности, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., которые к неотъемлемым правам личности относят право каждого на «справедливое судебное разбирательство в разумный срок», право на «скорый суд», право «при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения... быть в срочном порядке... уведомленным... о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения», право «быть судимым без неоправданной задержки». Нарушение этих прав властями Российской Федерации часто является предметом рассмотрения ЕСПЧ. Так, 15 января 2009 г. принято решение по жалобе «Бурдова против Российской Федерации», в котором ЕСПЧ указал на недопустимость чрезмерно длительных сроков рассмотрения дела судом, а также на отсутствие в нашем государстве эффективных внутренних средств правовой защиты в случае затягивания процесса и потребовал их создания в шестимесячный срок со дня вступления в силу данного решения. Именно это решение выступило катализатором скорейшего принятия Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», а также закрепления в процессуальном законодательстве норм о разумном сроке, нарушение которых и влечет ответственность, установленную этим федеральным законом.

Серьезные проблемы с обеспечением разумного срока судопроизводства проявляются и в следственной и судебной практике. Согласно данным статистики, опубликованным на сайте Судебного департамента при Верховном суде РФ, средний срок судебного разбирательства в 2010 г. составлял от 1,5 до 3 месяцев по 115 694 уголовным делам, свыше 3 месяцев до одного года — по 63 445 уголовным делам, свыше одного года до 2 лет — по 3716 уголовным делам, свыше 2 до 3 лет — по 485 уголовным делам, свыше 3 лет — по 369 уголовным делам. В 2019 году аналогичные сроки рассмотрения имели 198 659 уголовных дел. Если принять во внимание, что количество уголовных дел, рассмотренных в особом порядке судебного разбирательства, в 2010 г. составило 553 099, а в 2019 г. — 434 611, количество дел о преступлениях небольшой и средней тяжести стабильно приближается к 80% от общего числа рассмотренных по существу, а также то, что в 2010 г. окончено про-

изводством 1 073 513 дел, а в 2019 г. — 806 114 дел, то очевидно, что 17% уголовных дел в 2010 г. и 25% уголовных дел в 2019 г. имели длительные сроки рассмотрения.

Таким образом, предпосылки для закрепления в отечественном процессуальном законодательстве общего правила, нацеливающего правоприменителя на соблюдение сроков производства по делу и устанавливающего ответственность за их несоблюдение, имелись.

Вместе с тем одной нормативности еще недостаточно, для того чтобы считать то или иное положение принципом. В теории права другим общепризнанным свойством принципов является их универсальность. С одной стороны, универсальность означает, что принцип — такое основное положение, которое действует во всех или в большинстве видов судопроизводства. В этом смысле разумный срок можно назвать межотраслевым организационным принципом, поскольку, будучи закрепленным во всех процессуальных кодексах, он имеет одинаковое содержание и означает рациональный с точки зрения законодателя, а также правоприменителя, учитывающего обстоятельства конкретного дела, промежуток времени между моментом проявления юридического факта (фактов) и вынесением правоприменительного решения (акта) по гражданскому, арбитражному, административному, уголовному делу. Разумная с точки зрения сроков организация работы судов по рассмотрению различных категорий дел по существу выступает гарантией обеспечения прав участников судопроизводства, делает его более эффективным.

Другое понимание свойства универсальности принципа состоит в том, что предусмотренное им правило действует на всех этапах того или иного вида судопроизводства. Эта сторона универсальности также наглядно проявляет себя в уголовном процессе. Данный вывод мы основываем на понятии уголовно-процессуальной формы, неотъемлемым элементом которой принято считать сроки осуществления как отдельных процессуальных действий, так и всего производства по делу. Поскольку досудебное и судебное производство, стадии и отдельные процессуальные действия представляют собой различные процессуальные формы, разумный срок становится принципом всего уголовного процесса.

Следующим свойством правовых принципов выступает их аксиоматичность. Для того чтобы понять, обладает ли норма о разумном сроке верховенством по отношению к другим процессуальным нормам, следует обратиться к содержанию принципа. Основные положения, сформулированные в ст. 6.1 УПК РФ, выступают в качестве публично-правового требования, обращенного к компетентным должностным лицам, осуществляющим производство по делу:

А. Соблюдать процессуальные сроки. Процессуальный срок принято определять как элемент

процессуальной формы, представляющий собой период времени, который устанавливается уголовно-процессуальным законом для производства процессуальных действий и принятия процессуальных решений. Процессуальные сроки устанавливаются в законодательстве и презюмируются оптимальными. Вместе с тем анализ УПК РФ позволяет выявить две проблемы, связанные с обеспечением принципа разумного срока. Первая проблема заключается в том, что в ряде случаев законодатель не устанавливает срок совершения процессуального действия и принятия процессуального решения. В частности, процессуальные сроки не установлены для стадии судебного разбирательства. На наш взгляд, это следует считать пробелом действующего УПК РФ, требующим устранения. Необходимо установить для этой стадии как предельный, так и минимальный срок. При этом критерием, которым должен руководствоваться законодатель, является возможность выполнить в этот срок «необходимые и достаточные для достижения целей уголовного судопроизводства — защиты прав личности, общества, государства процессуальные действия»⁸. Правоприменитель, в свою очередь исходя из той же цели уголовного процесса, определяет в пределах законодательно установленной «вилки» конкретный срок, который ему потребуется для принятия решения. При этом дополнительными критериями, которые влияют на продолжительность судебного разбирательства по конкретному делу, могут выступать фактическая и правовая сложность дела, тяжесть преступления, сфера общественных отношений, нарушенных преступлением, а также разновидность формы судебного разбирательства (общий и особый порядок, суд с участием присяжных заседателей и т.д.).

Второй проблемой является не всегда рациональный подход законодателя к определению процессуального срока, что на практике приводит к их превышению. Например, максимальный срок стадии возбуждения уголовного дела оказывается недостаточным всякий раз, когда появляется потребность в назначении экспертизы и получении ее заключения. Поэтому в случаях, если законодателем установлены не обеспечивающие решение задач уголовного процесса сроки, менять необходимо уже сам закон.

Б. Осуществлять процессуальные действия и принимать процессуальные решения своевременно, т.е. укладываться в установленные процессуальным законодательством сроки. Выполнение этого требования правоприменителем выступает гарантией всестороннего, полного и объективного расследования и рассмотрения дела.

⁸ Качалова О.В. Право на разумный срок уголовного судопроизводства в уголовном процессе // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве: материалы международной научно-практической конференции. Минск, 9–12 ноября 2017 г. С. 35.

В. Осуществлять процессуальные действия и принимать процессуальные решения с возможной быстротой. В современной науке высказывается мнение, что термины «разумный срок» и «быстрота» являются синонимами. Но при этом именовать принцип термином «быстрота» предпочтительнее, поскольку, в отличие от «разумности», он позволяет объективно характеризовать продолжительность судопроизводства, тогда как «разумность» — слишком сложное (многокомпонентное) понятие, не предполагающее объективного измерения⁹. Большинство же советских ученых считали быстроту общим условием стадии предварительного расследования. Так, М.С. Строгович указывал, что от быстроты предварительного расследования зависит быстрота всего уголовного процесса, так как суд может принять уголовное дело к своему производству только после того, как дело будет полностью расследовано¹⁰. Советские процессуалисты обращали внимание и на то, что быстрота расследования органически связана с качеством расследования. Быстрота должна сочетаться с полнотой расследования, а не достигаться за ее счет¹¹.

При этом в начале 90-х гг. XX в. период смены парадигмы российского уголовного процесса с карательной на защитительную ученые стали называть общим условием предварительного расследования соблюдения сроков, установленных как для выполнения отдельных процессуальных действий, так и для всего производства по делу, которое необходимо именно для быстрого и полного расследования¹².

В нашем понимании быстрота имеет значение для всех стадий уголовного процесса и означает выполнение правоприменителем при наличии объективной возможности процессуальных действий в более сжатые сроки, чем те, которые установлены законом. При этом разумный срок не сводится к быстроте. Разумным может оказаться процесс как скорый, так и длительный, но не выходящий за пределы нормативно предписанного срока. Таким образом, быстрота выступает не самоцелью уголовного процесса, а средством осуществления его в разумные сроки.

⁹ Калиновский К.Б. Быстрота (срочность) уголовного судопроизводства — есть принцип уголовно-процессуального права // Материалы международной научно-практической конференции «Состояние и перспективы развития правовой науки», посвященной 75-летию Удмуртского государственного университета (Ижевск, 30–31 марта 2006 г.). Ижевск, 2006. С. 72–75.

¹⁰ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 2: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. Перераб. и доп. изд. М.: Наука, 1970.

¹¹ Советский уголовный процесс / Н.С. Алексеев, А.И. Бастрыкин, В.Г. Даев [и др.]; под ред. Н.С. Алексеева, В.З. Лукашевича. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. С. 218.

¹² Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. проф. П.А. Лупинской. М.: Юристъ, 1995. С. 248.

Там, где законодатель не устанавливает сроки судопроизводства, проблему их разумности он решает путем дифференциации уголовно-процессуальных форм на усложненные и упрощенные. При этом оба вида процессуальных форм способствуют ускорению уголовного судопроизводства. Очевидно, что чем проще процедура, тем меньше требуется времени на ее выполнение. Но верно и другое. Ускорению судопроизводства будет способствовать усложнение процессуальной формы, поскольку закрепление дополнительных гарантий прав некоторых категорий лиц направлено на оптимизацию, рационализацию порядка производства по уголовным делам в отношении них.

Исходя из так понимаемого содержания принципа, закрепленного в ст. 6.1 УПК РФ, можно сделать вывод, что он обладает свойством аксиоматичности, поскольку содержит общие положения о разумном сроке, которые конкретизируются в других статьях процессуального закона.

Обратим внимание еще на одно свойство правового принципа — его ненарушимость. Сегодня создано два вида мер, направленных на соблюдение принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Во-первых, превентивные меры, предоставляющие участникам уголовного судопроизводства возможность подачи в суд заявления об ускорении рассмотрения дела, а также подачи жалоб на затягивание производства предварительного расследования. Во-вторых, пресекающие меры, которые реализуются уже в результате нарушения разумного срока, когда подается заявление о компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок. При этом в течение нескольких лет наблюдается последовательное развитие нормативной регламентации принципа разумного срока уголовного судопроиз-

водства, в том числе под влиянием нормотворческой деятельности Конституционного Суда РФ. Внесенные в ст. 6.1 УПК РФ изменения и дополнения усиливают гарантии личности воспользоваться установленными законодательством мерами защиты права на разумный срок судопроизводства.

Подведем итог.

1. Возведение разумного срока на уровень принципа уголовного процесса произошло отчасти под воздействием прецедентной практики ЕСПЧ, отчасти — вследствие чрезмерно длительных сроков производства по уголовным делам в России. Хотя нельзя не признать, что у данного принципа имеются и собственные исторические корни.

2. Положения, включенные в ст. 6.1 УПК РФ, отвечают классическим требованиям, предъявляемым ко всем принципам уголовного процесса, — нормативность, универсальность, аксиоматичность, ненарушимость.

3. Содержанием принципа разумного срока уголовного судопроизводства охватываются обращенные к правоприменителю требования: а) соблюдать сроки, установленные УПК РФ. Процессуальные действия, осуществляемые правоприменителем за рамками нормативно закрепленного предельного срока, следует считать нарушением принципа, предусмотренного ст. 6.1 УПК РФ; б) осуществлять производство по делу в такой период времени, который, не выходя за пределы установленного законом срока, является более оптимальным с учетом особенностей конкретного уголовного дела; в) предупреждать и пресекать по обращениям лиц нарушения их права на возбуждение, расследование и рассмотрение дела в разумный срок, используя для этого установленные действующим законодательством механизмы.

Литература

1. Апостолова Н.Н. Разумный срок уголовного судопроизводства / Н.Н. Апостолова // Российская юстиция. 2010. № 9. С. 63–66.
2. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.А. Арутюнян. Москва, 2012. 32 с.
3. Аширбекова М.Т. Разумный срок уголовного судопроизводства как правовое понятие / М.Т. Аширбекова, С.Б. Некенова // Администратор суда. 2014. № 1. С. 27–31.
4. Быков В.М. Новый закон о разумном сроке уголовного судопроизводства / В.М. Быков // Законность. 2010. № 11. С. 23–29.
5. Демидова Е.Т. Понятие разумного срока уголовного судопроизводства через призму практики Европейского Суда по правам человека / Е.Т. Демидова, А.С. Околелова // Юридическая наука и практика : альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / главный редактор А.А. Воинов. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2015. Вып. 3. С. 85–88.
6. Калиновский К.Б. Быстрота (срочность) уголовного судопроизводства — есть принцип уголовно-процессуального права / К.Б. Калиновский // Состояние и перспективы развития правовой науки : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Удмуртского государственного университета (г. Ижевск, 30–31 марта 2006 г.). Ижевск, 2006. С. 72–75.
7. Качалова О.В. Право на разумный срок уголовного судопроизводства в уголовном процессе / О.В. Качалова // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве : материалы международной научно-практической конференции (г. Минск, 9–12 ноября 2017 г.) / ответственный редактор В.И. Самарин. Минск : Издательский центр БГУ, 2017. С. 34–42.

8. Поляков М.П. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве / М.П. Поляков, А.Ю. Смолин. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2011. 151 с.
9. Советский уголовный процесс / Н.С. Алексеев [и др.] ; под редакцией Н.С. Алексеева, В.З. Лукашевича. Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1989. 472 с.
10. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 томах. Т. 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву / М.С. Строгович. Перераб. и доп. изд. Москва : Наука, 1970. 516 с.
11. Уголовный процесс : учебник для вузов / под общей редакцией П.А. Лупинской. Москва : Юристъ, 1995. 544 с.
12. Шадрин В.С. Разумный срок уголовного судопроизводства: сущность, значение, правовая регламентация / В.С. Шадрин // Криминалист. 2017. № 2 (21). С. 48–53.

References

1. Apostolova N.N. Razumny'y srok ugovornogo sudoproizvodstva [Reasonable Term of a Criminal Procedure] / N.N. Apostolova // Rossiyskaya yustitsiya — Russian Justice. 2010. № 9. S. 63–66.
2. Arutyunyan A.A. Mediatsiya v ugovornom protsesse : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Mediation in a Criminal Procedure : abstract of the thesis work by the PhD (Law)] / A.A. Arutyunyan. Moskva — Moscow, 2012. 32 s.
3. Ashirbekov M.T. Razumny'y srok ugovornogo sudoproizvodstva kak pravovoe ponyatie [Reasonable Term of a Criminal Procedure as a Legal Notion] / M.T. Ashirbekova, S.B. Nekenova // Administrator suda — Court Administrator. 2014. № 1. S. 27–31.
4. Bykov V.M. Novy'y zakon o razumnom sroke ugovornogo sudoproizvodstva [The New Law on the Reasonable Term of a Criminal Procedure] / V.M. Bykov // Zakonost — Legitimacy. 2010. № 11. S. 23–29.
5. Demidova E.T. Ponyatie razumnogo sroka ugovornogo sudoproizvodstva cherez prizmu praktiki Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka [The Notion of the Reasonable Term of a Criminal Procedure in Light of the Practice of the European Court for Human Rights] / E.T. Demidova, A.S. Okolelova // Yuridicheskaya nauka i praktika : almanakh nauchny'kh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii / glavny'y redaktor A.A. Votinov. Samara : Samarskiy yuridicheskiy institut FSIN Rossii, 2015. Vy'p. 3 — Legal Science and Practice : the Almanac of Academic Works of the SLI of the FPS of Russia / editor-in-chief A.A.Votinov. Samara : SLI of the FPS of Russia, Issue 3. S. 85–88.
6. Kalinovskiy K.B. By'strota (srochnost) ugovornogo sudoproizvodstva — est printsip ugovorno-protsessualnogo prava [The Quickness (Urgency) of the Criminal Court Procedure Is a Principle of Criminal Procedure Law] / K.B. Kalinovskiy // Sostoyanie i perspektivy' razvitiya pravovoy nauki : materialy' mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyaschennoy 75-letiyu Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta (g. Izhevsk, 30–31 marta 2006 g.) — The State and Prospects of the Legal Science Development : materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the Udmurt State University (Izhevsk, March 30–31, 2006). Izhevsk, 2006. S. 72–75.
7. Kachalova O.V. Pravo na razumny'y srok ugovornogo sudoproizvodstva v ugovornom protsesse [The Right to the Reasonable Term of the Criminal Court Procedure in the Criminal Process] / O.V. Kachalova // Ugovorny'y protsess kak sredstva obespecheniya prav cheloveka v pravovom gosudarstve : materialy' mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Minsk, 9–12 noyabrya 2017 g.) / otvetstvenny'y redaktor V.I. Samarin. Minsk : Izdatelskiy tsentr BGU — The Criminal Process as a Means of Support of Human Rights in the State of Law : materials of the International Scientific and Practical Conference (Minsk, November 9–12, 2017) / otvetstvenny'y redaktor V.I. Samarin. Minsk : Izdatelskiy tsentr BGU / publishing editor V.I. Samarin. Minsk : The Publishing Center of the BSU, 2017. S. 34–42.
8. Polyakov M.P. Printsip protsessualnoy ekonomii v ugovornom sudoproizvodstve [The Principle of Procedural Economy in the Criminal Court Procedure] / M.P. Polyakov, A.Yu. Smolin. Nizhniy Novgorod : Nizhegorodskaya Akademiya MVD Rossii — Nizhny Novgorod : Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2011. 151 s.
9. Sovetskiy ugovorny'y protsess [The Soviet Criminal Procedure] / N.S. Alekseev [i dr.] : pod redaktsiey N.S. Alekseeva, V.Z. Lukashevicha. Leningrad : Izd-vo Leningradskogo universiteta — N.S. Alekseev [et al.] ; edited by N.S. Alekseev, V.Z. Lukashevich. Leningrad : Publishing House of the Leningrad University, 1989. 472 s.
10. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovornogo protsesssa. V 2 tomakh. T. 2. Poryadok proizvodstva po ugovornym delam po sovetskomu ugovorno-protsessualnomu pravu [The Soviet Criminal Procedure. In 2 Volumes. Vol. 2. The Case Procedure under the Soviet Criminal Procedure Law] / M.S. Strogovich. Pererab. i dop. izd. Moskva : Nauka — Revised and enlarged. Moscow : Science, 1970. 516 s.
11. Ugovorny'y protsess : uchebnik dlya vuzov [Criminal Procedure : textbook for higher educational institutions] / pod obschey redaktsiey P.A. Lupinskoy. Moskva : Yurist — under the general editorship by P.A. Lupinskaya. Moscow : Lawyer, 1995. 544 s.
12. Shadrin V.S. Razumny'y srok ugovornogo sudoproizvodstva: suschnost, znachenie, pravovaya reglamentatsiya [The Reasonable Term of a Criminal Court Procedure: The Essence, Significance, Legal Regulation] / V.S. Shadrin // Kriminalist — Criminalist. 2017. № 2 (21). S. 48–53.

История развития криминалистического прогнозирования

Устинова Ирина Владимировна,
 ассистент кафедры судебной экспертизы и таможенного дела
 Тульского государственного университета
 irinaustinova71@mail.ru

Целью исследования является анализ исторических аспектов развития криминалистического научного прогнозирования. Исторически прогноз зародился как эмпирическое знание, о чем свидетельствует анализ исторических корпей развития общественных отношений. Научные предпосылки прогнозирования зародились в эпоху рыночно-капиталистических отношений, поскольку теоретические предпосылки прогностики были обусловлены интенсивным развитием научно-технического прогресса. Проведен краткий анализ становления социального, криминологического и криминалистического научного прогнозирования. **Методология:** при написании статьи использовались фундаментальные положения материалистической диалектики, а также общие и частные методы научного познания: исторический, логико-философский, обобщения, описания, анализа и другие. **Выводы.** Благодаря развитию прогнозирования стали развиваться новые познавательные стратегии в естествознании, экономике, технике, а также в юридической сфере; прогностический подход помогает обнаружить неполноту отдельных юридических научных исследований и иначе взглянуть на многие современные юридические системные концепции. Не является исключением и криминалистическая сфера жизнедеятельности общества, в которой в первую очередь отражаются все ее негативные проявления. **Научная и практическая значимость.** Статья направлена на разработку методологической основы развития криминалистического прогнозирования. Практическое значение выражается в анализе развития и современного состояния прогнозирования в криминалистической деятельности.

Ключевые слова: прогнозирование, прогностические направления, опыт прогнозирования, развитие прогнозирования, криминологическое прогнозирование, криминалистическое прогнозирование, стратегии развития, научный прогноз, эмпирический прогноз.

Многие ученые отмечают, что XXI век несет в себе самые глобальные и масштабные перемены за самые короткие промежутки времени в отличие от прошлого. Современное общество характеризуется значительным ростом любого рода рисков, которые усиливают значение прогнозирования путей развития всей цивилизации. В связи с тем что развитие информационных технологий имеет невиданные ранее перспективы, можно смело прогнозировать и широкие перспективы в получении, обработке и хранении правовой информации.

Принятие существенных юридических решений с использованием искусственного интеллекта также возможно в самые ближайшие сроки. Еще в 2019 г. американский ученый Эрик Дрекслер высказал прогноз: «Как только начнется развитие нанотехнологий, то всего лишь за 50 лет оно принесет большее количество изменений, чем все, что случилось с человечеством со времен Средневековья»¹.

Возникновение практического прогнозирования можно отнести к столетиям назад, о чем свидетельствует анализ исторических корней развития общественных отношений. Прогнозу подвергались заселение и развитие определенных территорий, планирование военных походов с целью захвата

плодородных земель, развитие торговых связей государств и т.п.

На начальном этапе развития прогноз в своей основе был мотивирован чисто практическими целями, такими как выживание и наилучшие условия проживания народов, порабощение с целью получения материальной выгоды, и другими мотивами, поэтому научным его назвать нельзя. Многовековую историю имеет прогнозирование отдельных социальных процессов за рубежом. Трактат Нострадамуса «Столетия» вышел в 1555 г., а идеи Мальтуса способствовали прогностическим исследованиям в таких областях, как демография, экология, использование природных ресурсов и др.

Научные предпосылки прогнозирования зародились в эпоху рыночно-капиталистических отношений, поскольку теоретические предпосылки прогностики были обусловлены интенсивным развитием научно-технического прогресса. Благодаря капиталистическим отношениям были сформированы и усовершенствованы законы поддержания пропорций в экономических системах и их изменения во времени, а также разработаны методы долгосрочного и оперативного планирования и прогнозирования.

Определенный опыт прогнозирования имелся и в Советском Союзе в виде централизованного народнохозяйственного планирования. При разработке среднесрочных программ развития крупных

¹ Дрекслер Э. Замены нанотехнологиям не предвидится : интервью журналу «Российские нанотехнологии». URL: <https://www.nanonewsnet.ru/blog/nikst/erik-dreksler-zame-ny-nanotekhnologiyam-ne-predviditsya>

промышленных предприятий в 20-е гг. XX столетия успешно использовались различные методы прогнозирования, которые хотя и носили рекомендательный характер, но все же служили ориентирами для их дальнейшего развития. Из наиболее известных — разработанный в 1920 г. Государственный план электрификации страны (ГОЭЛРО). А с 1928 года государственной плановой комиссией СССР (Госплан) эта практика была выведена на национальный уровень, после чего началась разработка пятилетних планов социально-экономического развития страны и регионов. С этого момента более углубленного изучения и доработки основных задач, возникающих в прогнозировании, потребовала проблема повышения качества прогнозных исследований. В 30-е годы XX столетия в Советском Союзе появились первые работы по прогнозированию, которые в основном носили прикладной характер. Толчком к зарождению «прогностики» — новой научной дисциплины послужило обобщение эмпирической базы по прогнозированию в конце 60-х гг. XX в.

В сфере экономического и социального развития прогнозные и программные разработки, обусловленные научными и технологическими изысканиями, пытались реализовывать все высокоразвитые страны. Стремительный рост научных изысканий с середины XX века надо отметить в США. Как отмечал Дж. Мартино, «...темпы роста науки превышали темпы роста общества в целом... Затраты на исследования и разработки... росли быстрее, чем валовый национальный продукт, по крайней мере в начале 60-х годов... К середине 60-х годов “замедление” стало заметно, а к 1970 г. темпы роста науки пришли в соответствие с темпами роста общества»².

В отличие от Советского Союза, пик прогнозных разработок в других странах пришелся на 90-е гг. прошлого столетия. В этот период стали появляться глобальные долгосрочные стратегические прогнозы. В 1994 году вышла в свет работа Дж. Л. Петерсона под названием «Путь к 2015 году». В 1997 году группой сотрудников американского Университета им. Дж. Вашингтона был опубликован научный прогноз «Новые технологии: что нам ждать в 2001–2030 гг.». В 1999 году вышел в свет проект Европейской комиссии «Сценарий Европы — 2010». В некоторых европейских странах, а также в Японии и США стала нормой разработка национальных и международных целевых программ и отраслевых прогнозов по осуществлению прорывов на тех или иных научно-технологических направлениях³.

Общая теория прогнозирования рассматривается учеными в качестве основы для развития отраслевых социальных направлений в области прогнозирования. Социальное прогнозирование яви-

лось предметом исследования многих советских ученых: Н.А. Аитова, Г.И. Антоножа, В.Г. Асеева, А.И. Гладышевского, Д.М. Гвишиани, В.А. Лисичкина и др. В 1970-е годы социологами были проведены эмпирические исследования, содержащие разработку отдельных вопросов прогностической направленности, внесшие большой научный вклад в развитие социологической мысли в области социального прогнозирования: миграционных процессов (А.М. Румянцев, В.Г. Виноградов); мобильности трудовых ресурсов (Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина); динамики роста доходов населения и их влияния на духовные потребности (В. Майер); перспектив изменений структуры свободного времени (Л. Гордон, Б. Грушин, Э. Клопов); занятости, образовательных процессов (Э.К. Васильева, Р. Золотников); развития средств массовой коммуникации (Ю.В. Арутюнян, Э. Багиров, А. Григорьева, В. Живодеров, И. Кацев, Б. Фирсов и др.); перспектив демографического развития и прогнозирования демографических процессов (Э.А. Араб-Оглы, А.В. Баранов, Э.С. Демиденко, Е.Д. Гражданников, Б.С. Хорев) и др.

Предмет любой юридической науки принято рассматривать сквозь призму социальных явлений. Г.А. Аванесов подчеркивал существенное значение формирования прогностики как специальной отрасли знания, отмечая важность разработки методов прогнозирования и закономерностей прогнозов. В частности, он писал: «...социальное предвидение охватывает все явления и процессы, связанные с жизнедеятельностью человеческого общества. Определение перспектив развития социальных аспектов науки и техники, экономики, социальных отношений, демографических процессов, государства и права, внутренней и внешней политики и т.д. — все это сфера социальной прогностики (социального предвидения)»⁴.

По мнению ученых, «...прогнозирование в сфере борьбы с преступностью начиналось с локальных отраслевых прогнозов — криминологического, уголовно-правового, криминалистического, уголовно-процессуального, оперативно-разыскного, административно-правового и иного, которые, в свою очередь, преобразовывались в комплексное прогнозирование, в известном смысле слова, образовав новое направление — прогнозирование в сфере борьбы с преступностью»⁵, «которое сегодня, по сути, представляет собой уголовно-политическое предвидение, отражающее в единстве и системе футурологию правотворчества, правоприменения, управления, организации правоохраны, уголовной политики и реализующей ее части, т.е. — уголовно-

² Мартино Дж. Технологическое прогнозирование. Нью-Йорк, 1972 (пер. с англ. М., 1977). С. 267, 268.

³ Там же. С. 24.

⁴ Аванесов Г.А. Криминология. Прогностика. Управление. Горький, 1975. С. 118.

⁵ Новичков В.Е. Прогнозирование в сфере борьбы с преступностью в современной России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

политическое прогнозирование в сфере борьбы с преступностью»⁶.

В современной российской юридической науке имеются определенные методологические положения, направленные на прогнозирование частных аспектов противодействия преступности, которые разработаны различными юридическими науками, в том числе криминологией, уголовным правом, уголовно-процессуальным правом, уголовно-исполнительным правом, криминалистикой, общей теорией судебной экспертизы, оперативно-разыскной деятельностью. Следует отметить и различную степень разработанности указанных прогностических направлений. В частности, можно считать достаточно методологически разработанными криминологическое, криминалистическое и уголовно-правовое прогнозирование.

Необходимо отметить, что социальное прогнозирование, носящее преимущественно общественный характер, имеет свои особенности, на которые, в частности, обращали свое внимание ученые, отмечая:

— повышенное влияние на результаты прогноза субъективного фактора, поскольку любой общественный процесс осуществляется в результате деятельности людей, наделенных сознанием и волей;

— научное прогнозирование социальных явлений опирается не столько на динамические законы, а скорее на законы-тенденции, поскольку в обществе некоторые индивиды действуют только в соответствии со своими целями, задачами и практическими интересами (например, преступная деятельность. — *И.У.*);

— научный прогноз общественных явлений всегда связан с интересами определенных слоев и групп общества. В том случае если требования закона ущемляют интересы определенного слоя или группы, то они будут препятствовать осуществлению прогноза, а если интересы совпадают, то — будут содействовать⁷ (так, общество всегда будет поддерживать прогнозы, направленные на противодействие преступной деятельности. — *И.У.*).

В конце 60-х — 70-х гг. XX в. особенно интенсивно и наиболее успешно в числе юридических наук развивалось криминологическое прогнозирование. Представителями этой науки, такими как Г.А. Аванесов, Ю.М. Антонян, Ю.Д. Блувштейн, С.Е. Вицин, Н.Н. Кондрашков, В.Н. Кудрявцев, была разработана существенная теоретическая основа криминологического прогнозирования, в определенной степени повлиявшая на формирование криминологического прогнозирования.

Постоянная изменчивость самой преступности, ее приспособление и адаптация к социальным про-

блемам, вызванным глобализацией технического развития современного общества, неминуемо влечет изменения и в механизме преступной деятельности, в применяемых преступниками способах и средствах этой деятельности. Данные глобализационные процессы отчасти повлияли и на глобализацию самой преступной деятельности, трансформировав ее в транснациональную. Можно говорить о внутривнутригосударственной глобализации преступной деятельности, например, незаконном обращении наркотических и лекарственных средств, торговле людьми, техногенных преступлениях и т.п.

Таким образом, планирование и прогнозирование развития государства и общества в социально-экономических и научно-технических сферах развиваются во взаимосвязи с предшествующими этапами прогнозирования возможностей государства и зависят от таких аспектов, как традиции и исторические условия, а также обусловлены ими, поэтому должны рассматриваться как система комплексного решения государственных задач.

В нашей стране на решение таких задач направлен федеральный закон о стратегическом планировании в Российской Федерации, в п. 37 которого отмечено: «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации — документ стратегического планирования, определяющий стратегические цели и основные задачи, направления и приоритеты государственной политики, направленные на устойчивое, динамичное и сбалансированное научно-технологическое развитие Российской Федерации на долгосрочный период»⁸.

Р.И. Трухачев, Р.Л. Акофф, Б.В. Соколов в своих работах отмечали, что криминологическое прогнозирование, оставаясь не одно десятилетие невостребованным и переопределенным, несмотря на неоднократные попытки ученых привлечь на него внимание, имеет исключительное значение, поскольку основано на анализе совершенных преступлений, изучении их механизмов, субъектов преступной деятельности, исследовании способов и средств совершения преступлений, на результатах криминологической статистики и иных положениях криминологической деятельности. Оно всегда направлено на оптимизацию и эффективность деятельности следователя в целом.

Реализация криминологического прогнозирования является наименее разработанным направлением в криминологии и на современном этапе ее развития требует системного подхода к решению многих практических вопросов. Тем не менее вопросы прогнозирования были предметом изучения проблем принятия решения следователем, в типовую схему которого входят: проблемная ситуация —

⁶ Новичков В.Е. Уголовно-политическая футурология в сфере борьбы с преступностью (понятийная и предметная область) // Крымский научный вестник. 2015. № 6. С. 324.

⁷ См., напр.: Пилипенко Н.В. Необходимость и случайность. М., 1965. С. 199–200.

⁸ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (в ред. федеральных законов от 23.06.2016 № 210-ФЗ, 03.07.2016 № 277-ФЗ, 30.10.2017 № 299-ФЗ, 31.12.2017 № 507-ФЗ).

постановка задачи — выбор критериев решения — оценка и прогнозирование возможных последствий — принятие решения — реализация решения — оценка решения. Прогнозирование является также элементом версионного мышления, т.е. при выдвижении версий должны рассматриваться все предполагаемые варианты.

Следует отметить пристальное внимание к вопросам прогнозирования в криминалистике Б.М. Шавера, еще в 1938 г. отмечавшего: «Нужно всегда помнить, что в конце концов теория той или иной науки — это систематизированное знание, сосредоточивающее в себе предшествующий опыт познания и определяющее тенденцию развития изучаемых явлений. Такая теория, несомненно, есть и в криминалистике»⁹.

В настоящее время научное прогнозирование является самостоятельной научной дисциплиной, а также входит в состав всех отраслей науки и техники.

⁹ Шавер Б.М. Предмет и метод советской криминалистики // Социалистическая законность. 1938. № 6. С. 74.

Благодаря развитию прогнозирования стали развиваться новые познавательные стратегии в естествознании, экономике, технике, а также гуманитарной сфере; прогностический подход помогает обнаружить неполноту отдельных научных исследований и иначе взглянуть на многие современные юридические системные концепции. Не является исключением и социальная сфера жизнедеятельности общества, в которой в первую очередь отражаются все ее негативные проявления.

Подводя итог анализу развития научного прогнозирования, можем констатировать, что научный прогноз, пройдя в своем развитии определенные этапы, оказал существенное влияние на развитие и становление отраслевого прогнозирования, в том числе криминалистического, позволил установить границы планирования следственной деятельности и определить возможности ее реализации. Прогноз предупреждает того, кто отвечает за принятие важных решений, о возможности наступления определенных событий.

Литература

1. Аванесов Г.А. Криминология. Прогностика. Управление : учебное пособие / Г.А. Аванесов. Горький : Горьковская высшая школа МВД СССР, 1975. 423 с.
2. Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом / В.Г. Афанасьев. Москва : Политиздат, 1975. 408 с.
3. Мартино Дж. Технологическое прогнозирование : перевод с английского / Дж. Мартино ; общее редактирование и послесловие В.И. Максименко. Москва : Проспект, 1977. 311 с.
4. Новичков В.Е. Прогнозирование в сфере борьбы с преступностью в современной России : диссертация доктора юридических наук / В.Е. Новичков. Москва, 2005. 471 с.
5. Новичков В.Е. Уголовно-политическая футурология в сфере борьбы с преступностью (понятийная и предметная область) / В.Е. Новичков // Крымский научный вестник. 2015. № 6. С. 322–327.
6. Пилипенко Н.В. Необходимость и случайность / Н.В. Пилипенко. Москва : Высшая школа, 1965. 229 с.
7. Шавер Б.М. Предмет и метод советской криминалистики / Б.М. Шавер // Социалистическая законность. 1938. № 6. С. 72–79.

References

1. Avanesov G.A. Kriminologiya. Prognostika. Upravlenie : uchebnoe posobie [Criminology. Prognostics. Administration : textbook] / G.A. Avanesov. Gorkiy : Gorkovskaya vysshaya shkola MVD SSSR — Gorky : the Gorky Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1975. 423 s.
2. Afanasev V.G. Sotsialnaya informatsiya i upravlenie obschestvom [Social Information and Society Management] / V.G. Afanasev. Moskva : Politizdat — Moscow : Publishing House of Political Literature, 1975. 408 s.
3. Martino J. Tekhnologicheskoe prognozirovanie : perevod a angliyskogo [Technological Forecasting : translation from English] / J. Martino ; obschee redaktirovanie i posleslovie V.I. Maksimenko. Moskva : Prospekt — under the general editorship and afterword by V.I. Maksimenko. Moscow : Prospect, 1977. 311 s.
4. Novichkov V.E. Prognozirovanie v sfere borby' s prestupnostyu v sovremennoy Rossii : dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk [Forecasting in the Area of Crime Combatting in the Modern Russia : thesis by the PhD (Law)] / V.E. Novichkova. Moskva — Moscow, 2005. 471 s.
5. Novichkov V.E. Ugolovno-politicheskaya futurologiya v sfere borby' s prestupnostyu (ponyatiynaya i predmetnaya oblast) [The Criminal and Political Futurology in the Area of Crime Prevention (the Notion and Subject)] / V.E. Novichkov // Kry'mskiy nauchny'y vestnik — The Crimean Academic Bulletin. 2015. № 6. S. 322–327.
6. Pilipenko N.V. Neobkhodimost i sluchaynost [Need and Accident] / N.V. Pilipenko. Moskva : Vysshaya shkola — Moscow : Higher School, 1965. 229 s.
7. Shaver B.M. Predmet i metod sovetsoy kriminalistiki [The Subject and Method of the Soviet Criminalistics] / B.M. Shaver // Sotsialisticheskaya zakonnost — Socialistic Legitimacy. 1938. № 6. S. 72–79.

DOI: 10.18572/1813-1190-2020-12-23-27

Виды цифровых инноваций на финансовом рынке (финансово-правовые аспекты)

Карташов Александр Викторович,
доцент кафедры финансового права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
avkartashov@msal.ru

Цель. Представленная статья посвящена рассмотрению правовых подходов к описанию цифровых финансовых инноваций на финансовом рынке. Автор в работе стремится выявить особенности механизма правового регулирования и перспективы внедрения инноваций в процесс оказания финансовых услуг кредитными и некредитными финансовыми организациями. **Методология:** анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнительно-правовой и структурно-системный подходы. **Выводы.** Автор указывает, что отсутствие легального закрепления видов инноваций в нормативно-правовых актах обуславливается их универсальным характером и не зависит от уровня экономического развития и типа правовой системы. Внедрение цифровых инноваций на финансовом рынке призвано обеспечить улучшение качества оказываемых услуг потребителям, что на современном этапе подкрепляется принятыми базовыми нормативными актами и соотносится с целями стратегии развития финансового рынка, выработанной соответствующими регуляторами, в частности Центральным банком Российской Федерации. **Научная и практическая значимость.** Статья направлена на систематизацию имеющихся научно-исследовательских разработок в сфере цифровых инноваций на финансовом рынке, которая предполагает анализ их особенностей, а также выявление наличествующих проблем, разрешение которых будет способствовать развитию правоприменительной практики в данном направлении.

Ключевые слова: финансовый рынок, финансовая система, цифровая финансовая инновация, механизм правового регулирования, финансовое право, некредитные финансовые организации, сектор финансового рынка.

Принятие Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ), Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² свидетельствует о видоизменении правовых рамок регулирования в рамках российской правовой системы. Следует признать, что направленность такого рода преобразований призвано обеспечить создание и(или) поддержание условий доступа населения страны к более широкому спектру финансовых услуг, совершенствованию их качества, предотвращению рисков различного рода, которые возникают как в процессе оказания финансовых услуг в традиционной форме, так и посредством внедрения на

рынке новых продуктов, технологий или же способов оказания услуг³.

Необходимо отметить, что, несмотря на наличие базовых правовых категорий — «экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций», понятие которого закреплено в рамках ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ, и указания на потенциальную сферу регулирования — финансовый рынок, российский законодатель расширительно толкует такую категорию, как «цифровая инновация», подразумевая под ней новые или существенно улучшенные продукты (товар, работа, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности) или процесс, новые метод продаж или организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях⁴.

³ Реализация положений данного закона напрямую обуславливается целями развития финансового рынка — совершенствования механизмов предоставления финансовых услуг в электронной форме и обеспечения их информационной безопасности. См.: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

⁴ Указанное понятие является видовым по отношению к категории «инновация», под которой понимается «введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт

¹ СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

² СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

Для уяснения целей использования цифровых финансовых инноваций и выявления их видов следует прежде всего обратить внимание на содержание отдельных положений программных актов стратегического планирования на финансовом рынке, принятых Банком России.

Согласно Стратегии повышения финансовой доступности в Российской Федерации на период 2018–2020 годов (одобрено Советом директоров Банка России 26 марта 2018 г.) можно отметить следующие возможные пути внедрения инноваций в процесс оказания финансовых услуг кредитными и некредитными организациями России:

— банковский сектор — дистанционное банковское обслуживание, проведение идентификации или упрощенной идентификации клиента сторонней организацией во взаимодействии с кредитной;

— рынок ценных бумаг — дистанционное обслуживание на рынке ценных бумаг;

— платежные системы — услуги по переводу электронных денежных средств;

— кросс-секторальное внедрение — модели на основе работы агентов, мобильный доступ к финансовым услугам, анализ деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, альтернативная оценка кредитоспособности, большие данные, распределенные реестры, краудфандинг⁵. Среди инноваций, внедряемых на финансовом рынке, следует отметить, например, механизмы электронного взаимодействия между финансовыми посредниками и потребителями финансовых услуг⁶, включая удаленную идентификацию участников в процессе оценки возможности или же в ходе оказания финансовой услуги⁷.

Поднимая вопрос о понятии финансовой технологии и цифровой финансовой инновации, следует учесть, что финтех определяется на уровне ЕС и международных стандартов, как «технологические финансовые инновации, которые могут привести к новым бизнес-моделям, приложениям,

процессам или продуктам с соответствующим существенным влиянием на финансовые рынки и учреждения, а также на предоставление финансовых услуг». FinTech также включает InsurTech, относящийся к технологическим инновациям в страховании, независимо от характера или размера поставщика услуг⁸.

В зарубежной литературе к инновациям на финансовом рынке относят цифровые кредитные платформы, автоматические чат-боты, путем обмена СМС, предоставляющих возможность получить денежные средства, программы, позволяющие осуществлять торговлю на организованных торгах в автоматическом режиме, децентрализованные платформы, при осуществлении операций на которых возможно использование смарт-контрактов, мобильные платежные кошельки, агрегированные инвестиционные алгоритмы, программные приложения, позволяющие осуществлять операции с ценными бумагами, мобильные приложения, позволяющие производить переводы напрямую между его пользователями⁹.

Вместе с тем очевидно, что представлена довольно общая характеристика финансовых инноваций, что вызывает необходимость обратиться к анализу литературы, отдельных актов и рекомендаций (руководств), определяющих порядок внедрения финансовых инноваций при использовании экспериментальных правовых режимов (цифровые хабы, платформы и регуляторные песочницы) в зарубежных странах¹⁰.

Следует отметить, что пример Великобритании, которая является одной из первых стран, закрепивших возможность распространения инноваций на финансовом рынке, является иллюстративным в данном случае. Произведя разграничение участников финансового рынка на несколько групп, финансовый регулятор допускает внедрение различных видов цифровых инноваций при оказании всего спектра финансовых услуг (см. табл. 1)¹¹.

(товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях». См.: Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О науке и государственной научно-технической политике». Ст. 2 // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

⁵ Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте: <http://www.cbr.ru>, по сост. на 06.04.2018.

⁶ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов (одобрено Советом директоров Банка России 26.05.2016) // Вестник Банка России. 2016. № 57.

⁷ См.: Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов (разработаны Банком России). Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте: <http://www.cbr.ru> (по сост. на 23.01.2020).

⁸ URL: <https://www.fsb.org/work-of-the-fsb/policy-development/additional-policy-areas/monitoring-of-fintech/>

⁹ См., например: Manta O.E. Innovations In Digital Finance // Journal of Financial and Monetary Economics. Centre of Financial and Monetary Research 'Victor Slavescu'. 2017. Vol. 4 (1). P. 275–279. При этом присутствуют и более узкие подходы, в рамках которых цифровые инновации рассматриваются лишь в качестве программного обеспечения. См.: Ciriello R., Richter A. & Schwabe G. Digital Innovation // Bus Inf Syst Eng. 2018. № 60. P. 563–569. URL: <https://doi.org/10.1007/s12599-018-0559-8>

¹⁰ Следует отметить, что в настоящее время свыше 40 стран мира используют экспериментальные правовые режимы для обеспечения внедрения финансовых инноваций.

¹¹ URL: <https://www.fca.org.uk/firms/innovation/regulatory-sandbox>

Таблица 1

Виды цифровых инноваций на финансовом рынке Великобритании (примеры)

Сектор финансового рынка	Вид инновации, используемой участником(ами)
Банковский сектор	Полуавтоматическое приложение, обеспечивающее взаимодействие должника и кредитора с целью урегулирования задолженности
Страховой сектор	Приложение, позволяющее осуществить страхование отмены авиарейса с возможностью последующего приобретения авиабилета
Сектор ценных бумаг и производных финансовых инструментов	Платформа, позволяющая управлять ценными бумагами (с возможностью страхования рисков)
Сектор коллективных инвестиций	Технологическое решение, использующее искусственный интеллект для предоставления управляющим фондами математически определенного оптимального компромисса между рядом рисков и целей в процессе выбора инвестиций. Инвестиционная платформа, которая дает профессиональным и институциональным инвесторам доступ к широкому спектру рынков онлайн-кредитования через единую точку доступа
Сектор организаций, обеспечивающий функционирование финансового рынка	— Технологии распределенных реестров при осуществлении электронных расчетов; — технология блокчейн, обеспечивающая трансграничные переводы
Инновации, внедрение которых возможно при оказании различных финансовых услуг	— Платежная платформа, позволяющая с помощью системы быстрых платежей производить переводы пенсионных накоплений (обязательное пенсионное обеспечение)

Примечание: Будучи ограниченным объемом публикации, автор не может в данной работе дать характеристику около 100 видов цифровых инноваций, внедренных в Великобритании в период 2016–2020 гг. См. более подробно: URL: <https://www.fca.org.uk/firms/regulatory-sandbox/cohort-1>; <https://www.fca.org.uk/firms/regulatory-sandbox/cohort-2>; <https://www.fca.org.uk/firms/regulatory-sandbox/cohort-3>; <https://www.fca.org.uk/firms/regulatory-sandbox/regulatory-sandbox-cohort-4-businesses>; <https://www.fca.org.uk/firms/regulatory-sandbox/cohort-5>; <https://www.fca.org.uk/firms/regulatory-sandbox/regulatory-sandbox-cohort-6>

В отличие от представленного примера многие прочие страны только приступили к выработке подходов к регулированию (даже в порядке эксперимента) цифровых инноваций (см. табл. 2).

Очевидно, по нашему мнению, что, несмотря на различие финансовых систем, разницу в подходах к регулированию финансового сектора, различие в организации правовых систем рассмотренных стран, большинство внедряемых инноваций могут быть использованы вне зависимости от указанных особенностей. Соответственно, представленные примеры свидетельствуют о том, что уникальность цифровой (финансовой) инновации заключается в ее зачастую универсальности, что позволяет обеспечить ее применение при оказании финансовых услуг вне зависимости от того или иного сектора финансового рынка. При этом, как свидетельствует анализ представленных актов, отсутствие единого подхода к определению дефиниции «цифровая финансовая инновация» связано с необходимостью оценки рисков, возникающих или же способных возникнуть в результате ее внедрения в деятельность финансовых посредников, что может ска-

заться на общей системе управления рисками при оказании финансовых услуг¹². При этом, следует учесть, что, несмотря на наличие некой неопределенности, следует признать срабатывание и традиционных видов рисков при задействовании цифровых инноваций на финансовом рынке (системный, операционный, инвестиционный и др.)¹³.

Представленный анализ дает возможность прийти к выводу об отсутствии необходимости формального перечисления и установления закрытого перечня цифровых инноваций на финансовом рынке, однако возникает вопрос о критериях признания того или иного явления цифровой инновацией на финансовом рынке. Очевидно, что вопрос о необходимости признания того или иного явления

¹² См., например: Guidance on alternative investments and sound investment processes in light of the prudent person principle. URL: <https://www.danskebank.com/en-uk/about-us/corporate-governance/statutory-provisions/pages/legislative-framework.aspx?tab=1#tabanchor>

¹³ См.: Final report of the Expert Group on Regulatory Obstacles to Financial Innovation: 30 recommendations on regulation, innovation and finance. P. 10. URL: https://ec.europa.eu/info/publications/191113-report-expert-group-regulatory-obstacles-financial-innovation_en

Таблица 2

Виды цифровых инноваций, внедряемых в финансовый сектор в различных странах мира

Страна	Вид цифровой инновации на финансовом рынке	Сектор финансового рынка
Австралия ¹	Система автоматического консультирования пользователей страховых услуг ²	Страховой сектор
	Электронная платформа, обеспечивающая получение консультаций по вопросам торговли ценными бумагами ³	Сектор ценных бумаг и производных финансовых инструментов
	Электронная платформа, обеспечивающая получение консультаций и управление инвестициями ⁴	Инновации, внедрение которых возможно при оказании различных финансовых услуг
	Продукт, обеспечивающий финансовые консультации в электронном виде ⁵	Инновации, внедрение которых возможно при оказании различных финансовых услуг
	Цифровая платформа, обеспечивающая взаимодействие потребителей финансовых услуг и финансового омбудсмена ⁶	Инновации, внедрение которых возможно при оказании различных финансовых услуг
Австрия ⁷	Технологии распределенных реестров	Инновации, внедрение которых возможно при оказании различных финансовых услуг
	Электронные расчеты	Инновации, внедрение которых возможно при оказании различных финансовых услуг
	Цифровые банковские приложения	Банковский сектор
	Платформы по привлечению инвестиций (краундфандинг)	Инновации, внедрение которых возможно при оказании различных финансовых услуг
Бахрейн ⁸	Цифровые банковские платформы	Банковский сектор
	Электронные расчеты	Инновации, внедрение которых возможно при оказании различных финансовых услуг
	Приложение для осуществления микрофинансирования	сектор микрофинансирования
	Платформа для расчетов криптовалютами	Инновации, внедрение которых возможно при оказании различных финансовых услуг
	Платформа для обмена валют	Инновации, внедрение которых возможно при оказании различных финансовых услуг
Германия ⁹	Технологии, обеспечивающие перевод денежных средств с помощью электронной почты (иные альтернативные способы осуществления платежей) ¹⁰	Инновации, внедрение которых возможно при оказании различных финансовых услуг
	Платформа, обеспечивающая взаимодействие кредитной организации, иного финансового посредника с заемщиком и инвестором ¹¹	Инновации, внедрение которых возможно при оказании различных финансовых услуг
	Блокчейн-технологии	Инновации, внедрение которых возможно при оказании различных финансовых услуг
Российская Федерация ¹²	Большие данные и машинное обучение	Инновации, внедрение которых возможно при оказании различных финансовых услуг
	Мобильные технологии	Инновации, внедрение которых возможно при оказании различных финансовых услуг
	Биометрия	Инновации, внедрение которых возможно при оказании различных финансовых услуг
	Распределенные реестры	Инновации, внедрение которых возможно при оказании различных финансовых услуг
	Искусственный интеллект и роботизация	Инновации, внедрение которых возможно при оказании различных финансовых услуг
	Открытые интерфейсы	Инновации, внедрение которых возможно при оказании различных финансовых услуг

Примечания:

¹ Внедрено или внедряется более 30 видов цифровых финансовых инноваций.

² См.: URL: https://download.asic.gov.au/media/3989387/20160520-acturaries-institute-submission_asic_cp-254-response_robo-advice_fnl.pdf

³ См.: URL: <https://download.asic.gov.au/media/3989255/20160513-asdaa-response-to-cp254-regulating-digital-financial-product-advice.pdf>

⁴ См.: URL: <https://download.asic.gov.au/media/3991255/20160516-adviser-network-cp254-response-and-annexure.pdf>

⁵ См.: URL: <https://download.asic.gov.au/media/3989285/20160516-afa-robo-advice-asic-cp254-submission-160516.pdf>

⁶ См.: URL: <https://download.asic.gov.au/media/3989429/20160523-fos-australia-submission-cp-254.pdf>

⁷ Внедрение регуляторных начал цифровых финансовых инноваций производится с 1 сентября 2020 г. согласно Financial Market Authority Act (FMABG; Finanzmarktaufsichtsbehördengesetz). См.: Federal Act amending the Financial Market Authority Act (проект). URL: https://www.svlaw.at/wp-content/uploads/2019/05/Draft-Law-on-Regulatory-Sandbox_SVI.AW.pdf. А также: Five predictions for the Austrian financial services market and its cee footprint. URL: https://www.capco.com/-/media/CapcoMedia/Capco-2/PDFs/Capco_5-Predictions-For-The-Austrian-Financial-Services-Market.ashx

⁸ Внедряется более 30 видов цифровых финансовых инноваций. См.: URL: <https://www.cbb.gov.bh/fintech/>

⁹ Регулятором выделено 8 групп цифровых финансовых инноваций.

¹⁰ URL: https://www.bafin.de/EN/Aufsicht/FinTech/Bezahlverfahren/bezahlverfahren_node_en.html

¹¹ URL: https://www.bafin.de/EN/Aufsicht/FinTech/Finanzportfoliowaltung/finanzportfoliowaltung_node_en.html

¹² URL: <https://www.cbr.ru/Content/Document/File/102722/press.pdf>

цифровой инновацией зависит от страхового подхода, а также целей и задач, которые реализуются в рамках публичной финансовой политики государства. Вместе с тем, несмотря на очевидную сложность в установлении критериев инновационности, при выработке подходов к регулированию на финансовом рынке необходимо определить соотношение границ частноправового и публичного правового регулирования во избежание возникновения конфликта интересов между публичными институтами и участниками финансового рынка.

В этой связи возникает ряд объективных вопросов о том, по какой причине, с одной стороны, представлено довольно расширительное толкование, с другой стороны, с чем связана, во-первых, возможность признания той или иной инновации цифровой, во-вторых, по какой причине такого рода признание возможно в отношении нее Центральным банком Российской Федерации, в-третьих, какие секторы финансового рынка допустимы для внедрения указанных инноваций на современном этапе¹⁴.

¹⁴ К секторам финансового рынка в данном случае относятся банковский сектор; сектор ценных бумаг и производных финансовых инструментов; страховой сектор; сектор коллективных инвестиций; сектор микрофинансирования; сектор платежных услуг.

Рассмотренные ранее примеры позволяют прийти к обоснованному выводу: цифровая инновация в финансовом секторе является не только программой, информационным продуктом, что позволяет относить ее к объектам регулирования информационного права или же права интеллектуальной собственности, но и объектом регулирования финансового права, поскольку как финансовые организации, так и потребители финансовых услуг зависят от отношения регулятора к процессу их внедрения путем создания регуляторных правил или же рекомендаций различного рода, что оказывает непосредственное влияние на содержание соответствующих видов финансовых отношений на финансовом рынке.

Нельзя не признать обоснованным утверждение о том, что использование инноваций в процессе оказания финансовых услуг призвано обеспечивать достижение следующих задач:

- усиление доступа к кредитованию;
- обеспечение управления активами;
- расширение набора страховых услуг и продуктов¹⁵.

¹⁵ BigTech in finance Market developments and potential financial stability implications. 9 December 2019. URL: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P091219-1.pdf>

Литература

1. Ciriello R. Digital Innovation / R. Ciriello, A. Richter, G. Schwabe // Business & Information Systems Engineering volume. 2018. Vol. 60. P. 563–569.
2. Manta O.E. Innovations In Digital Finance / O.E. Manta // Journal of Financial and Monetary Economics, Centre of Financial and Monetary Research 'Victor Slavescu'. 2017. Vol. 4. Iss. 1. P. 275–279.
3. Schaller T. Five predictions for the Austrian financial services market and its cee footprint / T. Schaller. The Capital Markets Company GmbH, 2020. 5 p.

References

1. Ciriello R. Digital Innovation / R. Ciriello, A. Richter, G. Schwabe // Business & Information Systems Engineering volume. 2018. Vol. 60. S. 563–569.
2. Manta O.E. Innovations In Digital Finance / O.E. Manta // Journal of Financial and Monetary Economics, Centre of Financial and Monetary Research 'Victor Slavescu'. 2017. Vol. 4. Iss. 1. S. 275–279.
3. Schaller T. Five predictions for the Austrian financial services market and its cee footprint / T. Schaller. The Capital Markets Company GmbH, 2020. 5 s.

Уважаемые авторы!

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов,
можно обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08
или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

Представленная в нашем журнале статья студента обоснована изучением автором на высоком теоретическом уровне такой проблемы, как несовершенство способов и средств обеспечения законности деятельности администраций мест принудительного содержания, отличающейся актуальностью и значимостью для теории административного права и правоприменительной практики. Активная студенческая научная позиция позволила автору подготовить качественный научный материал, а также участвовать в конкурсе на присуждение медали Российской академии наук с премиями для студентов в высших учебных заведениях. Желаем автору дальнейших творческих успехов!

Главный редактор журнала
Е.А. Антонян

DOI: 10.18572/1813-1190-2020-12-28-34

Национальный превентивный механизм — новая система государственно-общественного контроля, способствующая обеспечению законности деятельности администраций мест принудительного содержания в Российской Федерации

Гуляев Дмитрий Евгеньевич,

студент 3-го курса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
dima.gulyaev2013@yandex.ru

Проблема применения сотрудниками мест принудительного содержания в отношении находящихся там лиц пыток и насилия является актуальной в России уже не одно десятилетие. Цель работы заключается в обосновании необходимости создания юридических условий для повышения уровня законности в деятельности администраций мест принудительного содержания и эффективности защиты прав и свобод человека в таких местах. Научные работы по указанной проблеме в России немногочисленны. Методология исследования основана на общенаучных и специальных методах научного познания, включая диалектический, логический, системный, формально-юридический и статистический. Сделан вывод, что повышение уровня законности в деятельности администраций мест принудительного содержания возможно в результате подписания и ратификации Российской Федерацией Факультативного протокола к Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, который предусматривает создание на основе закрепленных в нем принципов новой единой превентивной системы контроля за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания — Национального превентивного механизма (НПМ). Научная и практическая значимость исследования заключается в предложении концептуального изменения существующей в России системы государственно-общественного контроля за соблюдением законности в местах принудительного содержания.

Ключевые слова: законность, права человека, пытки, государственный контроль, общественный контроль, места принудительного содержания, учреждения закрытого типа, общественные наблюдательные комиссии (ОНК), Национальный превентивный механизм (НПМ).

Лица, находящиеся в местах принудительного содержания¹, являются особенно уязвимыми, их личные права нередко нарушаются или существует обоснованный риск таких нарушений². За последние три года значительно увеличилось

количество жалоб на неправомерное применение сотрудниками учреждений закрытого типа в отношении находящихся там лиц физической силы и специальных средств. В 2017 году Уполномоченному по правам человека в РФ (далее — Уполномоченный) поступило 114 таких жалоб, в 2018 — 155, а в 2019 г. уже 364 жалобы³; кро-

¹ Под местами принудительного содержания понимаются установленные законом учреждения и органы, где находятся лица, лишённые свободы или ограниченные в ней. Далее в работе «места принудительного содержания» и «учреждения закрытого типа» используются как равнозначные понятия.

² Обозначенная проблема актуальна уже около 20 лет, но до сих пор окончательно не разрешена. См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона № 11807-3 «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах

принудительного содержания и о содействии общественных объединений их деятельности» (2000 г.).

³ Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ за 2019 год. С. 28, 207. URL: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/doc2019_fin_compressed.pdf

ме того, за прошедший год в четыре раза увеличилось количество жалоб на условия конвоирования и этапирования⁴, такие условия в 2019 г. были признаны ЕСПЧ равносильными пыткам⁵. Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ, в минувшем году по требованиям прокуроров к дисциплинарной ответственности за жестокое обращение привлечен 471 сотрудник ФСИН России⁶; по фактам превышения должностных полномочий в 2016 г. возбуждено 25 уголовных дел, в 2017 г. — 23, а в 2018 г. уже 64 уголовных дела⁷. О насилии в отношении лиц, содержащихся в учреждениях закрытого типа, нередко сообщают средства массовой информации⁸.

Нарушения законности в местах принудительного содержания, связанные с применением их сотрудниками в отношении находящихся там лиц пыток и насилия, имеют негативные последствия не только для пострадавших от таких неправомерных действий, но и для государства. На международной арене авторитет России как правового демократического государства, где права и свободы человека являются высшей ценностью, снижается; расходуются значительные средства из федерального бюджета. В конце 2019 г. был принят закон⁹, предоставляющий право лицам, находящимся в местах принудительного содержания, требовать из средств федерального бюджета компенсации за нарушение условий их содержания. На основании ч. 3 ст. 46 Конституции РФ граждане России часто обращаются в ЕСПЧ¹⁰. Только в прошедшем году по вынесенным ЕСПЧ в отношении заявителей из России постановлениям о нарушении статьи 3 «Запрещение пыток» Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноя-

бря 1950 г. пострадавшим присуждены компенсации в сумме около 700 тысяч евро¹¹.

Органами исполнительной власти, в подведомственных учреждениях и органах которых имеют место нарушения прав человека или существует такой риск, являются следующие: ФСИН России¹², МВД России¹³, Минздрав России¹⁴, Минпросвещения России¹⁵, Минобороны России¹⁶, Пограничная служба ФСБ России¹⁷. В России отсутствует единая система защиты прав человека в учреждениях закрытого типа¹⁸. Для пресечения пыток и насилия в отношении находящихся там лиц необходимо создание единой превентивной системы посещения мест принудительного содержания, основанной на национальных и международных стандартах, сочетающей государственные и общественные механизмы контроля.

Решением обозначенных проблем может стать подписание и ратификация Российской Федерацией Факультативного протокола к Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания¹⁹ 2002 г. (далее — Факультативный протокол). Его цель — создание единой системы регулярных посещений представителями независимых международных и национальных органов и организаций мест, где находятся лишённые свободы лица, для предупреждения пыток и других жестоких видов обращения и наказания²⁰ — Национального превентивного механизма (НПМ). Стоит отметить, что создание в России такого механизма потребует существенных финансовых затрат из федерального бюджета, однако указанные расходы станут обоснованной инвестицией

⁴ Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ за 2019 год. С. 209, 213–214.

⁵ Пункт 141 Постановления ЕСПЧ от 9 апреля 2019 г. по делу «Томов и другие против России» (жалобы № 18255/10 и 5 других). URL: <http://european-court-help.ru/delo-18255-10-tomova-i-drugie-protiv-rossii/>

⁶ Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ за 2019 год. С. 208.

⁷ Заседание коллегии Генеральной прокуратуры РФ о состоянии законности в сфере исполнения законодательства, направленного на пресечение незаконных методов воздействия в отношении осужденных и содержащихся под стражей лиц. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1599844/>

⁸ Например, избиение в ФКУ ИК-1 УФСИН России по Ярославской области сотрудниками колонии заключенного. URL: <https://news.rambler.ru/crime/43560702-v-yaroslavle-14-sotrudnikov-kolonii-obvinyayutsya-v-izbieni-osuzhdenogo/>

⁹ Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Здесь и далее используются нормативные правовые акты в действующей редакции из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См., например: Постановление ЕСПЧ от 22 января 2013 г. по делу «Лашин против Российской Федерации» (жалоба № 33117/02) (Первая секция); Постановление ЕСПЧ от 9 апреля 2019 г. по делу «Томов и другие против России» (жалобы № 18255/10 и 5 других); Постановление ЕСПЧ от 17 марта 2020 г. по делу «Евгений Михайлович Шмелев против России» (жалоба № 41743/17) и др.

¹¹ Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ за 2019 год. С. 208.

¹² Следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы; учреждения уголовно-исполнительной системы, исполняющие уголовное наказание в виде лишения свободы.

¹³ Изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел; центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел и др.

¹⁴ Судебно-психиатрические экспертные медицинские организации; медицинские организации, оказывающие психиатрическую помощь в стационарных условиях.

¹⁵ Учебно-воспитательные учреждения закрытого типа.

¹⁶ Дисциплинарные воинские части, гауптвахты.

¹⁷ Изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов ФСБ России.

¹⁸ Далее в работе упоминается существующей сегодня в России системы контроля за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания или существующей системы такого государственного или общественного контроля будет подразумевать только совокупность органов, имеющих право на осуществление такого контроля. Указываемые в работе органы не образуют единой системы, поскольку юридически не взаимосвязаны и самостоятельны.

¹⁹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture_prot.shtml

²⁰ Международное право: учебник / Б.М. Ашавский, М.М. Бирюков, В.Д. Бордунов [и др.] ; отв. ред. С.А. Егоров. М. : Статут, 2015. 848 с.

в новую эффективную систему контроля, способствующую повышению уровня законности в деятельности администраций мест принудительного содержания, отвечающую международным стандартам и позволяющую государству избежать ежегодных выплат колоссальных денежных компенсаций лицам, пострадавшим от пыток и насилия в учреждениях закрытого типа. Актуальность создания в России НПМ неоднократно подчеркивал Уполномоченный²¹.

В Факультативном протоколе изложены принципы, на которых должен быть построен НПМ: обязанность принятия государством всех необходимых мер для обеспечения профессиональности участников механизма; предоставление государством органам, образующим НПМ, всех необходимых ресурсов. основополагающим является принцип превентивного регулярного посещения любых мест принудительного содержания представителями независимых органов. Он состоит из четырех неразрывно взаимосвязанных элементов: а) посещение мест принудительного содержания представителями контрольных органов должно быть превентивным — предупреждающим нарушения прав и свобод человека; б) представители контрольных органов должны посещать учреждения закрытого типа регулярно (речь идет в первую очередь о внеплановом контроле); в) должна быть создана юридическая и фактическая возможность для посещения представителями органов контроля всех мест принудительного содержания, находящихся на территории государства; г) контрольные органы должны обладать в первую очередь функциональной и финансовой независимостью от проверяемых мест принудительного содержания, а также могут быть независимыми от государства в целом (недопустимо подчинение органов НПМ государственным институтам), поскольку согласно Конституции РФ ограничение прав и свобод человека и гражданина — исключительная прерогатива государства²². Указанное выше не свидетельствует о вседозволенности органов, образующих НПМ, они обязаны отчитываться перед государством, обществом, международным правозащитным сообществом о результатах осуществляемого контроля.

Сегодня в России система контроля за деятельностью учреждений закрытого типа недостаточно эффективна, поскольку ни один из субъектов, определенных законодательством Российской Фе-

дерации, осуществляющих контроль и надзор за соблюдением законности в местах принудительного содержания, не сочетает в своей деятельности одновременно четыре элемента принципа превентивного регулярного посещения любых мест принудительного содержания представителями независимых органов. Следовательно, основополагающему принципу построения НПМ не соответствуют существующие органы как государственного, так и общественного контроля.

1. В деятельности органов государственного контроля (надзора) за соблюдением законности в местах принудительного содержания отсутствуют в совокупности признаки превентивности, регулярности и независимости. Такие органы сами указывают на существующие в их контрольной (надзорной) деятельности проблемы, которые доказывают ее недостаточную эффективность.

1.1. Ведомственный и внутриведомственный контроль за учреждениями закрытого типа носит иерархический характер²³, он осуществляется только в отношении подведомственных мест принудительного содержания вышестоящими органами и должностными лицами. Такой контроль невозможно назвать независимым, поскольку между контролирующей структурой и подконтрольной имеются властные отношения подчинения. По мнению Генеральной прокуратуры РФ, это является серьезной проблемой и причиной неэффективности существующего в России ведомственного контроля за деятельностью мест принудительного содержания²⁴.

1.2. Прокуратура РФ осуществляет самостоятельный вид надзора за всеми учреждениями закрытого типа²⁵. Он является достаточно эффективным, поскольку реализуется юридически независимым от всех государственных институтов органом; почти каждое второе уголовное дело в отношении сотрудников мест принудительного содержания возбуждается по материалам прокурорских проверок²⁶. Прокурорский надзор может но-

²¹ Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ за 2017 год. URL: http://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/lite2-doclad_20.04.18.pdf; Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ за 2018 год. URL: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/doclad_2018.pdf; Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ за 2019 год.

²² См. ст. 55 Конституции РФ.

²³ Теория и практика контроля за деятельностью персонала пенитенциарной системы: монография / С.М. Зубарев. М.: Юрайт-Издат, 2006. 330 с.

²⁴ Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры РФ за 2018 г., из выступления Ю.Я. Чайки: «Комиссиями Генеральной прокуратуры с выездом в регионы установлены многочисленные факты неправомерного наложения взыскания на лишенных свободы лиц, применения в отношении их спецсредств, причинения им физических и нравственных страданий. Основная причина всех этих безобразий — недостаточная открытость пенитенциарной системы и круговая порука, порожденная неэффективным ведомственным контролем». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60100>

²⁵ См. главу 4 раздела 3 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

²⁶ Заседание коллегии Генеральной прокуратуры РФ о состоянии законности в сфере исполнения законодательства, направленного на пресечение незаконных методов воздействия в отношении осужденных и содержащихся под стражей лиц. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1599844/>

сильно регулярный и превентивный характер, но он не является независимым от государства, поскольку прокурор — это государственный служащий. Прокуратура РФ выполняет множество функций, что свидетельствует о ее загруженности, которая может приводить к снижению эффективности надзора за соблюдением законности в учреждениях закрытого типа. На необходимость расширения полномочий других органов контроля с целью увеличения эффективности рассматриваемой контрольно-надзорной деятельности указывала Генеральная прокуратура РФ²⁷.

1.3. Уполномоченный и уполномоченные по правам человека в субъектах РФ (далее — региональные уполномоченные) являются независимыми, специализирующимися на защите прав человека государственными органами. Они обладают правом посещать все места принудительного содержания в случаях, предусмотренных законом²⁸. Посещение учреждений закрытого типа уполномоченным или региональными уполномоченными имеет место, как правило, в случае их уведомления о нарушении в таких учреждениях прав и свобод человека. Это свидетельствует об отсутствии регулярности и превентивности посещений. Экспертное сообщество тем не менее уверено, что институт уполномоченных по правам человека должен стать частью НПМ России, это позволит обеспечить его полноценное участие в контроле за соблюдением законности в местах принудительного содержания²⁹. Уполномоченный неоднократно упоминал о недостаточности существующих у него правовых инструментов для осуществления защиты прав человека на обширной территории Российской Федерации³⁰, поэтому он может стать лишь одним из органов, образующих НПМ в России.

²⁷ Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры РФ за 2018 г., из выступления Ю.Я. Чайки: «...В целях улучшения состояния законности, кроме традиционных мер реагирования, нами предложены организационно-правовые решения. В их числе расширение полномочий общественных наблюдательных комиссий».

²⁸ См. ст. 21, 23 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»; п. 23, 25 ст. 16.1 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»; подп. 3 п. 2 ст. 10, п. 3 ст. 11, п. 2 ст. 17 Федерального закона от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации»; п. «а» ч. 1 ст. 24 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ; ст. 7 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

²⁹ URL: <http://твойконтроль.рф/news/one/11494>

³⁰ Бюллетень Уполномоченного по правам человека в РФ № 1, 2016 г.: «Следует учитывать, что Уполномоченный не в состоянии в одиночку в многомиллионной стране с необъятной территорией обеспечить гарантии безопасности всех граждан от всевозможных нарушений их прав и свобод, самостоятельно решить весь комплекс политических, эконо-

1.4. Президентский, правительственный, парламентский и судебный контроль за соблюдением законности в местах принудительного содержания закреплен на уровне федерального законодательства³¹. Однако такой контроль не является регулярным, поскольку его субъекты — это государственные органы или должностные лица, основная задача которых не заключается в осуществлении контроля за деятельностью учреждений закрытого типа.

Можно заключить, что система государственного контроля (надзора) за соблюдением законности в местах принудительного содержания в России в полной мере не сочетает все элементы основополагающего принципа построения НПМ, закрепленного в Факультативном протоколе, что свидетельствует о необходимости ее реформирования и совершенствования с целью разрешения существующих проблем в деятельности государственных контрольных органов и последующего включения в НПМ России более эффективного «государственного элемента».

2. Одним из основополагающих признаков гражданского общества является **общественный контроль**, базирующийся на непосредственном осуществлении власти народом. Такой контроль за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания осуществляют сегодня члены общественных наблюдательных комиссий (ОНК) и сами ОНК³². Не подвергая сомнению вклад, внесенный ОНК в обеспечение соблюдения прав человека, необходимо, однако, отметить, что их деятельность не является регулярной и превентивной, поскольку имеет множество проблем, на которые указывают Уполномоченный, Общественная палата РФ и члены ОНК.

2.1. Недостаточность материально-технического и финансового обеспечения деятельности ОНК является причиной отсутствия регулярности посещения комиссиями учреждений закрытого типа, осуществления некоторыми членами ОНК полномочий не должным образом³³,

мических, социальных и культурных проблем, стоящих перед государством и обществом и влияющих на соблюдение прав человека». См.: URL: [http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/lib/bull_01_2016_\(3\).pdf](http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/lib/bull_01_2016_(3).pdf)

³¹ См., например, ст. 20, п. «а», «г», «д» ч. 1 ст. 24 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ; ст. 7 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

³² Действуют на основе Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

³³ Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ за 2019 год. С. 296: «Например, в Брянской области представители ОНК [за 2019 год] посетили лишь 6 учреждений из 46 (13,6%)».

а также наличия между членами конфликтов. Существующий механизм финансового обеспечения деятельности ОНК не является эффективным³⁴. Из средств федерального или регионального бюджета необходимо компенсировать членам комиссий затраты на проезд к местам принудительного содержания, аренду офисов, отправку корреспонденции и т.д.

Согласно позиции Правительства РФ³⁵, для разрешения данной проблемы необходимо законодательно предусмотреть, что ОНК являются юридическими лицами. Однако, например, существующая модель финансового обеспечения избирательных комиссий не позволяет в полной мере согласиться с высшим органом исполнительной власти Российской Федерации в данном вопросе. Так, территориальные избирательные комиссии (ТИК) могут не являться юридическими лицами, несмотря на это, они действуют на постоянной основе и распоряжаются выделенными им из соответствующего бюджета средствами на финансовое обеспечение подготовки и проведения выборов, референдума³⁶. Статус юридического лица у ТИК в данном случае не имеет значения. Следовательно, необязательно наличие и у ОНК статуса юридического лица для компенсации затрат их членов, связанных с осуществлением общественного контроля. Бюджетные средства могут переводиться на счет органа (организации), который обладает статусом юридического лица и необходимыми экспертными ресурсами, связанными с деятельностью ОНК. Он может распределять полученные средства между комиссиями на основе внутренних актов. Таким органом может стать Общественная палата РФ, поскольку она формирует ОНК; высказываются мнения, что им может являться Уполномоченный, если он будет координировать деятельность органов общественного контроля при создании в России НППМ³⁷.

³⁴ Доклад Общественной палаты РФ «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год»: «...необходимо активнее продвигать вопрос о компенсации расходов на осуществление мероприятий ОНК из регионального бюджета». URL: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/doklad_OPRF_2019_19122019.pdf

³⁵ См.: Официальный отзыв Правительства РФ на проект федерального закона № 370885-5 «О внесении изменений в статью 9 Федерального закона “Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания”», внесенный Думой Хапты-Мансийского автономного округа — Югры (2010 г.).

³⁶ См. ст. 26 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

³⁷ Открытое письмо Уполномоченному по правам человека в РФ и Председателю Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека от представителей правозащитных организаций от 11 апреля 2018 г.: «...не прекращаются нарушения законности и прав заключенных... Именно поэтому нашей стране особенно необходим Национальный превентивный механизм (НППМ)... У нас такая

2.2. К отсутствию регулярности посещения членами ОНК мест принудительного содержания ведет и проблема формирования комиссий. Количество членов ОНК не распределяется равномерно относительно размера территории субъекта РФ, количества в таком субъекте РФ учреждений закрытого типа, а также лиц, содержащихся в них³⁸. Процедура формирования ОНК требует модернизации, замены территориального принципа формирования на более эффективный³⁹. Несостоятельность такой процедуры подтверждается и тем, что в некоторых субъектах РФ за длительный период времени ОНК вообще не могли сформироваться⁴⁰. О необходимости комплексного изменения системы формирования комиссий говорят и представители правозащитного сообщества, которые настаивают на отмене монополии Общественной палаты РФ в сфере формирования ОНК, поскольку она в полной мере не обладает «необходимым экспертным ресурсом для объективного и компетентного формирования ОНК, методического обеспечения их работы»⁴¹.

2.3. Отсутствие должных юридических гарантий для посещения членами ОНК мест принудительного содержания и юридической ответственности за превышение членами комиссий полномочий ведет к отсутствию превентивности в деятельности ОНК, а также к необходимости совершенствования правового статуса членов комиссий.

структура могла бы действовать на федеральном уровне под руководством Уполномоченного по правам человека в РФ, обладающего полномочиями рассматривать обращения и жалобы заявителей и имеющего возможности для связи с ОНК в регионах». URL: <https://www.zaprava.ru/obrashhenie-pravozashhitnikov-k-upch-i-spch-po-probleme-onk/>

³⁸ Так, на одного члена ОНК в Ямало-Ненецком автономном округе приходится 26 171,2 лиц, находящихся в местах принудительного содержания, а в Республике Ингушетии — 108,9 таких лиц. См.: Доклад Общественной палаты Российской Федерации, посвященный вопросам деятельности общественных наблюдательных комиссий в субъектах Российской Федерации (2019 г.). URL: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/doklad_onk_28022019_1.pdf

³⁹ Доклад Общественной палаты Российской Федерации, посвященный вопросам деятельности общественных наблюдательных комиссий в субъектах Российской Федерации (2019 г.): «При установлении численности ОНК необходимо учитывать множество факторов, таких как площадь территории субъекта Российской Федерации, количество мест принудительного содержания, численность лиц, находящихся в них...».

⁴⁰ Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ за 2017 год: «Правозащитное сообщество на раз высказывало мнение о недостаточно эффективном законодательном механизме формирования ОНК в субъектах Российской Федерации, в результате чего не во всех случаях удалось сформировать ОНК на должном высокопрофессиональном уровне».

⁴¹ Открытое письмо Уполномоченному по правам человека в РФ и Председателю Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека от представителей правозащитных организаций от 11 апреля 2018 г. URL: <https://www.zaprava.ru/obrashhenie-pravozashhitnikov-k-upch-i-spch-po-probleme-onk/>

Сегодня в России создана юридическая возможность⁴² для посещения членами ОНК всех существующих на территории государства мест принудительного содержания. Тем не менее, в некоторые учреждения закрытого типа члены комиссий фактически не допускаются⁴³. ОНК вправе посещать места принудительного содержания только после извещения о планируемом посещении территориального органа исполнительной власти, которому подведомственно проверяемое учреждение закрытого типа⁴⁴. Сами члены ОНК злоупотребляют своим положением, в том числе посредством взяточничества⁴⁵.

Попытки законодательного совершенствования статуса членов ОНК предпринимались неоднократно и не всегда успешно. Так, с 2017 года в Государственной Думе ФС РФ обсуждается законопроект № 269379-7⁴⁶, в том числе предусматриваю-

щий особый порядок привлечения членов ОНК к уголовной и административной ответственности. Совершенствование правового статуса членов комиссий может выразиться, например, в установлении строгого наказания для должностных лиц учреждений закрытого типа за необоснованный отказ членам ОНК в посещении места принудительного содержания⁴⁷; ужесточении административной ответственности за воспрепятствование деятельности органов общественного контроля⁴⁸, а также в установлении юридической ответственности для членов ОНК⁴⁹ за злоупотребление ими положением, превышение полномочий⁵⁰.

Исходя из приведенных аргументов, можно сделать вывод, что система общественного контроля за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания недостаточно эффективна. Деятельность ОНК в полной мере не сочетает одновременно всех элементов основополагающего принципа построения НППМ — превентивного регулярного посещения любых мест принудительного содержания представителями независимых органов. Необходимо комплексное и значительное совершенствование законодательства об ОНК, в первую очередь с целью разрешения проблем в их деятельности для дальнейшего включения в НППМ России полноценного «общественного элемента».

Таким образом, в России государственный контроль (надзор) за соблюдением законности в учреждениях закрытого типа нельзя назвать независимым, регулярным и превентивным. Общественный контроль сегодня не располагает значительными полномочиями и средствами

⁴² Приказ ФСИН России от 28 ноября 2008 г. № 652 «Об утверждении Положения о порядке посещения учреждений уголовно-исполнительной системы членами общественных наблюдательных комиссий»; Приказ ФСБ России от 16 февраля 2009 г. № 55 «Об утверждении Правил посещения членами общественных наблюдательных комиссий мест принудительного содержания, находящихся в ведении пограничных органов»; Приказ министра обороны РФ от 20 января 2009 г. № 17 «О порядке посещения членами общественных наблюдательных комиссий мест принудительного содержания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации»; Приказ Минпросвещения России от 21 марта 2019 г. № 128 «Об утверждении порядка посещения членами общественных наблюдательных комиссий специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, подведомственных Министерству просвещения Российской Федерации, и осуществления членами указанных комиссий кино-, фото- и видеосъемки несовершеннолетних, находящихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа, подведомственных Министерству просвещения Российской Федерации»; Приказ МВД России от 10 февраля 2020 г. № 47 «О Порядке посещения мест принудительного содержания территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации членами общественных наблюдательных комиссий»; Приказ Минздрава России от 25 февраля 2020 г. № 122н «Об утверждении порядка посещения членами общественной наблюдательной комиссии медицинских организаций, оказывающих психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа и специализированного типа, а также условий проведения членами общественной наблюдательной комиссии беседы с находящимися в этих медицинских организациях лицами при осуществлении общественного контроля и порядка осуществления членами общественной наблюдательной комиссии кино-, фото- и видеосъемки лиц, находящихся в медицинских организациях, оказывающих психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа и специализированного типа».

⁴³ Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ за 2017 год: «В 2017 г. Уполномоченному поступило 6 обращений от ОНК, три из них — о недопуске членов ОНК г. Санкт-Петербурга в отделения полиции...».

⁴⁴ См., например, п. 3–5 Положения о порядке посещения учреждений уголовно-исполнительной системы членами общественных наблюдательных комиссий, утвержденного приказом ФСИН России от 28 ноября 2008 г. № 652.

⁴⁵ См.: Доклад Общественной палаты Российской Федерации, посвященный вопросам деятельности общественных наблюдательных комиссий в субъектах Российской Федерации (2019 г.). С. 44.

⁴⁶ Проект Федерального закона № 269379-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общественном контроле

за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/269379-7>

⁴⁷ Например, законодательство Франции предусматривает значительный штраф за воспрепятствование миссии Генерального контролера мест лишения свободы (он выполняет функцию НППМ) — 15 000 евро. См.: Law № 2007-1545 of October 30, 2007. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000279700>

⁴⁸ КоАП РФ в ч. 1 ст. 19.32 предусматривает незначительное административное наказание для должностных лиц за воспрепятствование осуществлению общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания: предупреждение или административный штраф в размере от 500 до 1000 руб.

⁴⁹ Доклад Общественной палаты РФ «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год»: «...у Общественной палаты на сегодня отсутствуют законодательно закрепленные рычаги воздействия на деятельность уже сформированных ОНК и их членов, не предусмотрена процедура отзыва членов ОНК».

⁵⁰ КоАП РФ в ч. 2 ст. 19.32 предусматривает для членов ОНК ответственность лишь за нарушение ими требований уголовно-исполнительного законодательства РФ, нормативных правовых актов по вопросам исполнения наказаний, а также за невыполнение законных требований администрации места принудительного содержания. Административное наказание незначительно: предупреждение или административный штраф в размере от 500 до 1000 руб.

воздействия на государственные органы⁵¹, а также не сочетает одновременно признаков превентивности и регулярности. Рациональнее создать в Российской Федерации новую единую систему органов контроля за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания — НПМ, что позволит также повысить уровень законности в деятельности администраций мест принудительного содержания, нежели существенно реформировать огромный объем действующего федерального законодательства и законодательства субъектов РФ для устранения всех существующих в контрольной деятельности проблем. Преимуществами НПМ являются: поддержка его мировым сообществом, направленность на обеспечение прозрачности деятельности учреждений закрытого типа. Создаваемая превентивная система контроля аккумулирует накопленный положительный опыт рассматриваемой контрольной деятельности и будет отвечать международным стандартам.

Для большей эффективности в новой контрольной системе должны найти место как государственные институты, так и общественные.

⁵¹ Доклад Общественной палаты РФ «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год»: «Очевидно, многие вопросы в деятельности ОНК требуют дальнейшего совершенствования как в плане законодательного обеспечения их деятельности, так и в методическом отношении».

Причем речь идет только о взаимном дополнении, помощи и координации деятельности друг друга, но не о подчинении и иерархии. Для обеспечения профессиональности участников НПМ, создания упорядоченности в деятельности его членов координатором такого механизма в Российской Федерации должен стать специализирующийся на защите прав человека государственный орган. Жизнеспособность и эффективность обозначенного подхода доказаны опытом зарубежных государств, ратифицировавших Факультативный протокол и сформировавших на основе закрепленных в нем принципов НПМ. Перед созданием новой превентивной системы государственно-общественного контроля за соблюдением законности в местах принудительного содержания необходимо осуществить подготовительную работу, которая может состоять из следующих этапов: во-первых, подписание и ратификация Россией Факультативного протокола, которые приведут к повышению авторитета Российской Федерации на международной арене как правового государства и ее интеграции с международным правозащитным сообществом; во-вторых, комплексное изучение и анализ существующих в мире моделей НПМ, выделение их особенностей, положительных и отрицательных черт; в-третьих, разработка подходящей для России концепции Национального превентивного механизма (НПМ).

Литература

1. Гаврилова О.А. Правовой статус иберо-американских омбудсменов: источники регламентации / О.А. Гаврилова // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5. С. 35–40.
2. Зубарев С.М. Теория и практика контроля за деятельностью персонала пенитенциарной системы: монография / С.М. Зубарев. Москва: Юрайт-Издательство, 2006. 330 с.
3. Москалькова Т.Н. Институт уполномоченных по правам человека в государственном механизме России / Т.Н. Москалькова // Административное право и процесс. 2018. № 12. С. 52–59.
4. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / В.В. Базунов [и др.]; под научной редакцией В.И. Селиверстова. Москва: Юриспруденция, 2017. 328 с.

References

1. Gavrilova O.A. Pravovyy status ibero-amerikanskikh ombudsmenov: istochniki reglamentatsii [The Legal Status of the Ibero-American Ombudsmen: The Source of Regulation] / O.A. Gavrilova // Aktualny'e problemy' rossiyskogo prava — Relevant Russian Law Issues. 2015. № 5. S. 35–40.
2. Zubarev S.M. Teoriya i praktika kontrolya za deyatelnostyu personala penitentsiarnoy sistemy': monografiya [The Theory and Practice of the Penitentiary System: monograph] / S.M. Zubarev. Moskva: Yurayt-Izdat — Moscow: Yuright-Izdat, 2006. 330 s.
3. Moskalkova T.N. Institut upolnomochenny'kh po pravam cheloveka v gosudarstvennom mekhanizme Rossii [The Institute of Human Rights Ombudsmen in the State Mechanism of Russia] / T.N. Moskalkova // Administrativnoe pravo i protsess — Administrative Law and Procedure. 2018. № 12. S. 52–59.
4. Obschaya chast novogo Uголовно-исполнителного kodeksa Rossiyskoy Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya [The Common Part of the New Criminal Penal Code of the Russian Federation: Results and Substantiations of Theoretical Modeling] / V.V. Bazunov [i dr.]; pod nauchnoy redaktsiey V.I. Seliverstova. Moskva: Yurisprudentsiya — V.V. Bazunov [et al.]; under the academic editorship by V.I. Seliverstov. Moskov: Jurisprudence, 2017. 328 s.

DOI: 10.18572/1813-1190-2020-12-35-39

Рецензия на монографию «Антикоррупционные меры безопасности» (Е.А. Акунченко, С.П. Басалаева, М.А. Волкова [и др.]; под ред. Н.В. Щедрина, И.А. Дамм. Красноярск, 2020. 430 с.)

Мацкевич Игорь Михайлович,

главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук,
доктор юридических наук, профессор
mackevich2004@mail.ru

Рецензируется коллективная монография «Антикоррупционные меры безопасности». Отмечается, что исследование проведено на основе текущего состояния правового регулирования борьбы с коррупцией, определены задачи антикоррупционной безопасности, сформулированы обоснованные выводы и рекомендации по созданию системы мер такой безопасности. Исследование антикоррупционных мер безопасности является актуальным для развития науки уголовного права и криминологии, а также наук смежных областей знаний. Научные идеи, анализ законодательства и правоприменительной практики могут быть полезными для проведения дальнейших научных исследований по антикоррупционным мерам, в нормотворческой деятельности в целях профилактики коррупционных проявлений в жизнедеятельности общества и государства.

Ключевые слова: коррупция, профилактика, криминология, уголовное право, административное право, гражданское право, санкции, должностное лицо, правовое регулирование, система мер.

Там, где присутствует фамилия профессора Николая Васильевича Щедрина, всегда новые идеи, новые взгляды, оригинальные суждения и предложения. К сожалению, в декабре 2019 года Н.В. Щедрин скоропостижно и преждевременно умер. Поэтому рецензируемая монография является последним «прости» замечательному ученому, талантливому и прекрасному человеку. Безвременный уход Н.В. Щедрина не позволил ему увидеть окончательный результат проделанной работы.

Большая нагрузка по доведению монографии до логического завершения легла на плечи Ирины Александровны Дамм, которой удалось собрать авторский коллектив и справиться с поставленными задачами.

Рецензируемая монография представляет собой междисциплинарное научное исследование общетеоретических и отраслевых проблем обеспечения антикоррупционной безопасности Российской Федерации. Авторы монографии в качестве методологической основы проделанной работы использовали правовую теорию мер безопасности, разработчиком которой является Н.В. Щедрин, который справедливо считается основателем красноярской (возможно, даже сибирской) криминологической школы.

Таким образом, монография посвящена настолько же большой, насколько старой проблеме —

проблеме коррупции. Но авторы под руководством И.А. Дамм не стали идти по проторенному пути, они поставили перед собой макси-цель — разработать меры антикоррупционной безопасности. Причем эти меры, по замыслу авторов, должны представлять собой систему, в которой необходимо объединить и гармонизировать (что важно) общественные и государственные институты. Разумеется, задача грандиозная и для ее решения совершенно обоснованно прежде всего потребовалось подтвердить практические соображения теоретическими обобщениями.

С удовлетворением отмечаем, что авторам удалось доказать основную рабочую гипотезу о том, что механизм антикоррупционной безопасности является универсальным и находит свое отражение в различных отраслях правового регулирования.

Работа построена по классической модели и делится, хотя это в оглавлении и не просматривается, на общую и особенную части. Вполне обоснованно в общей части рассматриваются теоретические вопросы правового механизма антикоррупционной безопасности. Особенная (условно) часть работы посвящена мерам антикоррупционной безопасности: а) в сфере государственной и муниципальной службы; б) против лоббизма; в) в сфере избирательного процесса; г) в судебной системе; д) в уголовно-исполнительной системе; е) в сфере государственных закупок; ж) в сфере образования;

з) в информационной сфере; и) в коммерческих организациях; к) среди молодежи.

Наибольший интерес, например у меня, вызвали подходы Н.В. Щедрина к вопросам безопасности. На мой взгляд, все, что связано с безопасностью, — это криминология, в большей или меньшей степени. Поэтому, например, убежден, что дисциплина «Безопасность жизнедеятельности» — это в основном криминологическая дисциплина с элементами вкрапления знаний из других учебных дисциплин (медицины, психологии, социологии). Я бы считал «безопасность жизнедеятельности», с одной стороны, введением в криминологию, а с другой стороны, обучением практическим криминологическим навыкам. К сожалению, во всяком случае с моей точки зрения, курс «Безопасность жизнедеятельности» преподает кто угодно, но только не криминологи.

Центральная, первая глава монографии, которая задает общие подходы и общий тон всей работы, изложена в оригинальном виде, так, как ее написал, но не успел опубликовать Н.В. Щедрин. В этой главе предложен собственный читаемый «щедринский криминологический» взгляд на организационную структуру и содержание правового механизма антикоррупционной безопасности. Н.В. Щедрин пришел к выводу, что ключевым принципом построения системы предупреждения коррупции вообще и коррупционной преступности в частности должно выступать гармоничное сочетание позитивно-стимулирующих и негативно-ограничительных мер правового воздействия, направленных на формирование антикоррупционной модели поведения субъектов общественных отношений, что должно, по мысли автора, останавливать у этих субъектов желание совершать соответствующие проступки и тем самым предупреждать нанесение возможного ущерба личности, обществу и государству. В монографии подобный подход «называется система предупреждения вреда от коррупционных деяний “на дальних подступах” к совершению правонарушений и преступлений».

При этом Н.В. Щедрин полагает, что несоответствие жизненно важных интересов граждан и жизненно важных интересов государства, в конечном счете, неизбежно приводит к конфликту с непредсказуемыми последствиями. На этом постулате построены все выводы, к которым приходят авторы монографии, вслед за той путеводной звездой, которую им оставил на небе Н.В. Щедрин.

И в этом подходе Н.В. Щедрин и его соавторы одновременно и правы, и не правы. Прорывной тезис эпохи возрождения о приоритете прав человека над всеми другими обязанностями государства сегодня, как показывает опыт разных стран, не так очевиден, как это считается, особенно в гуманитарно-позитивных подходах некоторых правоведов.

Например, к основным объектам безопасности в монографии относятся: личность — ее права и свободы. Однако главная ценность человека — жизнь. Без защиты жизни человека говорить о других ценностях личности бессмысленно. В то же время многие революционные идеи строились на приоритете свободы, причем даже в ущерб жизни. Получается, что при нормативных подходах выбор между жизнью человека и его правами и свободами заключается не в ответе, а в вопросе? На мой взгляд, это довольно странно. Здесь известный тезис «свобода лучше, чем несвобода» парадоксальным образом трансформируется в тезис «свобода лучше, чем жизнь». Если довести эту логическую цепочку до закономерного абсурда, можно прийти до утверждения «свобода ради свободы». Но зачем свобода, если нет жизни? Парадоксально в этом случае то, что этот действительно либеральный и ценный правовой подход ведет человечество к постепенному и неуклонному вымиранию.

Политическое руководство многих стран ориентируется на интересы общества, часто в ущерб интересам личности, и это можно считать тенденцией современного стремительно меняющегося мира. Посмотрите, как действует президент Франции Эммануэль Макрон по отношению к движению «желтых жилетов», посмотрите, что происходит в США, в стране, которая считает своей обязанностью распространять стандарты образа жизни и правовой модели на весь остальной мир и не замечает, что стоит на краю полномасштабной гражданской войны. И это только небольшая часть проблем, разрешения которых в действующей правовой системе на самом деле не существует. (Примечательно при этом, что, позволяя себе разгонять демонстрантов при помощи водометов и резиновых пуль, Макрон запрещает то же самое делать президенту Белоруссии Александру Лукашенко, что лишний раз подтверждает мой тезис о том, что сегодня проблемы есть, а их решений нет.)

Правовая защита меньшинства населения и подавление интересов большинства людей приводят к невероятным гуманистическим перекосам, включая едва ли не насильственную пропаганду гомосексуализма и потребления наркотиков. Поэтому жизненно важные интересы граждан безусловно следует считать определяющими, но только ровно до той стадии, когда они не противопоставляются жизненно важным интересам общества и государства. Грань такого противопоставления очень тонка, и вряд ли ее удастся как-то определить легитимными понятиями.

Еще одной тенденцией, на которой правильно акцентируется внимание в рецензируемой монографии, является уход от законодательных понятий чего бы то ни было. Как минимум за последние

20 лет отечественный законодатель устойчиво идет по пути отказа от определения того, чему посвящен тот или иной закон. В лучшем случае законодатель предлагает принципы, на основании которых правоприменитель волен самостоятельно трактовать те или иные правовые явления. Более того, практически все законы, которые принимались в основном в 1990-е годы и которые имели легальные определения, были пересмотрены именно в этом аспекте, т.е. законодательные понятия из них исчезли. В этом смысле противодействие коррупции не является исключением. Подобный правовой метод правового регулирования общественных отношений имеет и плюсы, и минусы. Можно ли, и правильно ли, давать легальное определение преступности? Правильно ли вообще давать легальное определение правовым явлениям? И да, и нет. Я думаю, что: а) в каких-то случаях правильно; б) в каких-то случаях нужно (но не обязательно); в) а в каких-то случаях (чаще всего) ни в коем случае нельзя. В целом подобную тенденцию с отказом от легальных законодательных определений я связываю с общим направлением, которое называю латентным дрейфом нашей правовой системы в сторону смешанной англосаксонской и континентальной (романо-германской) правовых систем, что является определяющим общемировым трендом действительности. (Как говорится, это не хорошо и не плохо — это так.) К сожалению, эта мировая тенденция проходит под колоссальным давлением США, которые контролируют и определяют создание новой мировой правовой модели. Мне представляются важными эти мысли для общей оценки рецензируемой монографии. Противостоять коррупции в одной единственной стране, разумеется, можно и необходимо, однако без учета международной практики борьбы с этим явлением, все предлагаемые меры будут настолько же интересными, насколько бесполезными. Идеальные меры конечно нужны, но хочется, как говорится, результата.

В трактовке Н.В. Щедрина, антикоррупционные меры безопасности — это меры принудительного ограничения поведения субъектов коррупции, применяемые при наличии указанных в нормативном правовом акте оснований и имеющие целью защиту общественных отношений от вредоносных коррупционных посягательств. Их содержание составляют антикоррупционные правила безопасности и антикоррупционные санкции безопасности. Первые представляют собой специальные запреты, обязанности и ограничения, устанавливаемые в соответствующих нормативных правовых актах в отношении физических и юридических лиц, органов государственной власти и муниципального управления и их должностных лиц и слу-

жащих с целью предотвращения возникновения и распространения коррупционных отношений. Вторые — части правовых норм, в которых в качестве последствия коррупционного поведения (деятельности), нарушающего антикоррупционное правило безопасности, предусматривается ограничение возможностей продолжения такого поведения (деятельности). Подобный подход к пониманию предупредительных мер позволяет создать логически стройную систему, целью которой является обеспечение антикоррупционной безопасности, то есть состояния защищенности закрепленных в Конституции РФ системообразующих ценностей социума (объектов охраны) от опасностей, исходящих от противоправных деяний (источники опасности) физических лиц и организаций, выполняющих публичные функции или оказывающих публичные услуги вопреки интересам общества и государства, для извлечения противоправной выгоды как для себя, так и для других лиц.

При этом меры безопасности в монографии определяются как меры некарательного ограничения поведения индивидуальных и коллективных субъектов общественных и правовых отношений. (Та самая идеальная модель, о которой я говорил выше.)

Н.В. Щедрин, понимая уязвимость предлагаемой модели антикоррупционной безопасности, говорит: «По моим представлениям (представлениям Н.В. Щедрина. — *Прим. автора*), наша национальная безопасность — это состояние защищенности провозглашенных в Конституции РФ ценностей и отношений. Приоритет российских национальных интересов должен состоять в поддержании устойчивого баланса между личными, общественными и государственными интересами, а также гармонизации их с интересами международного сообщества». Н.В. Щедрин подчеркивает, что современным приоритетом должны быть не личность, не общество, не государство, а баланс интересов социальных систем.

С этим утверждением я не только соглашаюсь, но и стоя аплодирую дорогому Н.В. Щедрину. Как предполагаю, именно эта идея, идея баланса интересов, должна быть положена в основу не только системы противодействия коррупции, но и всей правовой системы. Хотя, конечно, это звучит несколько странно: что за «баланс интересов» в борьбе с коррупцией? В борьбе с коррупцией не должно быть места компромиссам! Но коррупция — это не примитивное взяточничество, это сложное, многоступенчатое и многообъектное не только и даже не столько правовое, сколько социальное, общественное, психологическое и, если хотите, бытовое межличностное явление, которое требует многоаспектного анализа и многовекторного подхода к устранению причин, его порождающих.

Коррупция — элемент нашей действительности, она сама является не только системой (разумеется, с отрицательным значением), но и элементом в структуре всей системы социальных и общественных отношений. От коррупции невозможно «отмахнуться». Выбив этот элемент, можно повредить всю конструкцию, и, что станет с этой конструкцией — большой вопрос. Конечно, можно действовать методами «революционного правосознания» (благо, опыт есть), но только эти методы предполагают ломку (точнее «снос») всего и вся. Это не значит, что с коррупцией можно смириться, но это проблема, которая не имеет одного и даже двух решений.

Н.В. Щедрин провидчески говорит, что, поскольку действующая Конституция РФ высшей ценностью объявляет человека и его права и свободы, вплоть до изменения Конституции, в трактовке национальных интересов должны превалировать интересы личности, а не государства. Как известно, летом 2020 г. были проголосованы существенные поправки к Конституции. Формально эти поправки не затрагивают положения, касающиеся прав и свобод человека, однако фактически произошло серьезное усиление одной ветви власти, что не может не отразиться (будем честны перед самими собой) на личности того самого простого человека и гражданина. Насколько эти изменения приведут к установлению, по точному выражению Н.В. Щедрина, «баланса интересов», покажет только опыт.

Не стержневой, но представляющей интерес является идея Н.В. Щедрина о классификации источников повышенной опасности на: а) источник опасности; б) источник повышенной опасности; в) источник особой опасности. Действительно, правовая регламентация источника повышенной опасности в действующем законодательстве представляется, как минимум, архаичной. И это может стать в ближайшее время серьезной проблемой из-за развивающейся роботизации всего, в том числе и бытовой сферы, а также, что более актуально, сферы взаимодействия человека и средств его передвижения (беспилотники в воздухе и на дорогах).

Говоря об особенной части рецензируемой монографии, следует сказать, что анализ коррупционных проявлений в конкретных изучаемых сферах построен по классическим лекалам и отвечает требованиям качества содержания представленного материала. Отмечу следующие не критические моменты.

1. Справедливо отмечается главный объективный недостаток государственной власти. «Монополия на принуждение, имманентная государственной власти, в сочетании с фактическим отсутствием ограничений в применении насилия делает власть одним из глобальных и реальных источников опасности».

При этом заявлении об этой глобальной проблеме (действительно глобальной) не коррелируют предложения о том, как противостоять коррупционным проявлениям тех, кто занимает наиболее ответственные должностные посты. Все сводится к необходимости самоограничения и личного самоконтроля должностного лица за собой самим («любимым», так и хочется добавить). Предлагаются также меры, направленные на прозрачность процедур принятия решений, сменяемости власти, преемственности власти, а также на меры по проведению мониторинга общественного мнения. На практике слабость подобных предложений доказывалась неоднократно. (Хотя, конечно, как всегда, возможно, не хватало «политической воли»?) К этому списку добавлю, например, создание критериев общественного здоровья. Однако, насколько все это будет способствовать противодействию коррупции, сказать сколько-нибудь определенно практически невозможно.

2. Предлагается список антикоррупционных санкций безопасности нарушения антикоррупционных правил безопасности в сфере государственной и муниципальной службы. Но все некарательные санкции будут иметь значение для провинившегося должностного лица только в том случае, если последует его увольнение. А такой порядок, как известно, уже существует и прописан достаточно подробно. Все остальное, как говорится, «как об стенку горох».

Некарательное ограничение, о котором также много говорится, — это и есть самоограничение. Наверное, это важно, но в таком случае это некарательное ограничение (самоограничение) должно быть дополнено институтом общественного некарательного воздействия. А это примерно то, чем занимались партийные организации в советской общественной и правовой системе. (Кстати, именно поэтому, а вовсе не по политическим соображениям, как это нередко сегодня преподносится, КПСС была вписана в Конституцию Советского Союза, т.е. партийные общественные организации были составной частью правовой системы для некарательного воздействия на весьма широкий круг лиц, в том числе на лиц, не обязательно занимавших должностное положение.) Я думаю, что примерно к такой системе все и вернется, но надеюсь, что новая система некарательного воздействия будет создана на значительно более высоком организационном, сознательном и правовом уровнях.

3. Попытки введения понятия служебного права — избыточны.

4. На мой взгляд, слабо изучен опыт функционирования лоббизма в США. Между тем за последние несколько лет там были приняты весьма интересные федеральные законы и законы от-

дельных штатов, посвященные этому спорному явлению, с очевидными признаками коррупции. В качестве примера назову закон Сарбейнза — Оксли (Sarbanes-Oxley Act — SOX), который 30 июля 2002 г. подписал президент США Джордж Буш.

5. Следует поддержать позицию авторов монографии, касающейся оценки информации, которая при определенных условиях может выступать серьезным ресурсом и орудием в руках злоумышленников по совершению коррупционных правонарушений.

На одном из недавних совещаний министр Валерий Николаевич Фальков сказал: «Мы — это то, что о нас говорят СМИ». Хотим мы того или нет, но это так. Поэтому надо работать не только с информацией (анализировать и сопоставлять ее), но и с источниками информации (не понятно, что важнее).

В монографии санкции, которые обеспечивали бы безопасность информации для целей противодействия коррупции, классифицируются на: а) дисциплинарные; б) гражданско-правовые; в) административно-правовые; г) уголовно-правовые.

6. Антикоррупционные меры безопасности в коммерческих организациях — это самоограничения. Зачастую они носят декларативный характер, и почти всегда отсутствует контроль за их выполнением. Между тем соблюдение правил антикоррупционной безопасности — это прежде всего нарушение прав личности человека, это негласный контроль за его действиями не только на службе, но в основном и за пределами службы, во внеслужебное время. А это прямое нарушение Конституции РФ. Но без этого все остальные меры — бессмысленны.

7. Говорится о разработке определения (*de lege ferenda*) коррупционного правонарушения, что входит в некоторое противоречие с теоретическими подходами, изложенными в монографии. Как я говорил выше, к легитимным понятиям, даваемым в законах, отношусь настороженно.

8. Много и обоснованно говорится о коррупции в системе ФСИН. Однако наиболее часто должностные злоупотребления раскрываются как раз в этой службе. Строго говоря, поэтому складывается впечатление, что все телефонные мошенничества происходят из исправительных учреждений. Если бы это было так, то раскрыть такие схемы было бы легко. Увы, если в подобных преступлениях и замешены сотрудники правоохранительных органов, то в наименьшей степени это сотрудники ФСИН.

9. Коррупция в образовательной сфере представлена традиционно. При этом, на мой взгляд, необоснованно мало внимания уделено тем проблемам, которые толкают некоторых неустойчивых

учителей и профессоров к соблазну получить разного рода подношения. Образование — гордость нашей страны в недавнем прошлом — стало конвейером по выпуску дипломов с приложением к ним в виде людей, которым эти дипломы вручаются. Способствовало этому прежде всего принижение роли и значимости учителей и профессоров.

10. Как говорит Н.В. Щедрин, потомки Прокруста — праворец и правоприменитель — должны дискретные показатели перевести в ступенчато-нормативные, что очень даже не просто (довольно часто — невозможно — прокомментирую я). Где и как обозначить границу «предельно допустимой концентрации» деликтной опасности? Где и как — криминальной? Участь нелегкая, но именно за это и те, кто пишет законы, и те, кто их применяет, получают зарплату — справедливо заключает Н.В. Щедрин.

Проблема заключается в том, что существует система (я бы ее назвал — надсистема), которая оказывает прежде всего на правоприменителя настолько сильное и, увы, негативное влияние, что исполнять законы и подзаконные нормативные акты можно только одним и не всегда справедливым и наиболее оптимальным образом. Я хочу сказать, что антикриминальная безопасность — это система, но и коррупция — это система, как я говорил выше. То есть одна система, по идее, должна сломать другую систему. Или эти две системы должны найти баланс интересов?

Попытка ответа на эти, а также на многие другие вопросы, которая предпринята в монографии коллективом авторов во главе с И.А. Дамм, оценена мною как качественный результат.

Таким образом, рецензируемая рукопись монографического исследования, проведенного специалистами Сибирского федерального университета под научным руководством профессора Н.В. Щедрина и завершено И.А. Дамм, является окончанным трудом, содержащим новые научные результаты, которые вносят значительный вклад в развитие общей и частной криминологической теории. Полагаю, работа способна вызвать интерес у широкой читательской аудитории.

Заслуга монографического исследования заключается в выводе о том, что шансов долго сохраниться, игнорируя друг друга, у целого и части нет. Политика выживания человечества за счет уничтожения окружающей природной среды самоубийственна. По этой же причине нет перспектив у стремления какой-то страны или стран, где проживает так называемый «золотой миллиард», процветать за счет эксплуатации остальных народов. С этим утверждением Н.В. Щедрина невозможно не согласиться, как и с утверждением, что бороться с коррупцией и необходимо, и возможно.

DOI: 10.18572/1813-1190-2020-12-40-43

Рецензия на монографию И.В. Понкина, А.И. Редькиной «Цитирование как метод сопровождения и обеспечения научного исследования» (М.: ИНФРА-М, 2019)

Якушев Павел Алексеевич,

председатель первого судебного состава по рассмотрению гражданских дел в апелляционном порядке Владимирского областного суда, кандидат юридических наук, доцент
Yakushev.PA@yandex.ru

Рецензируется коллективная монография «Цитирование как метод сопровождения и обеспечения научного исследования». Исследование является актуальным для авторов, публикующих научные статьи, и для тех, кто считает необходимым обновить свои знания об исследовательской методологии. Грамотное использование цитат и ссылок, правила оформления цитат и библиографических списков могут быть полезными для проведения дальнейших научных исследований.

Ключевые слова: цитирование, материалы, оформление, методология науки.

Значимыми вопросами научной методологии являются вопросы о природе и правилах цитирования, поскольку развитие науки невозможно без использования результатов ранее проведенных исследований, однако такое использование сопряжено с необходимостью соблюдения ряда правовых и этических норм и сложившихся в научной среде стандартов. Цитирование опубликованных исследований других авторов по теме научной работы имеет существенное значение для обеспечения и подтверждения обоснованности и достоверности новой работы, направляет читателей к другим материалам по соответствующей теме, свидетельствует о том, что автор провел тщательный и релевантный анализ литературы по изучаемой тематике и знает все нюансы темы исследования.

Грамотное использование цитат и ссылок на авторов, ранее изучавших соответствующие вопросы, является одним из важнейших требований, предъявляемых к научной работе, а также относится к параметрам, позволяющим судить о качестве исследования.

В существующих научных работах достаточное внимание уделяется проблемам плагиата, правилам оформления цитат и библиографических списков, однако практически не затрагиваются вопросы о роли и значении метода цитирования для науки и ее развития, о природе этого метода, об онтологии цитирования и о предъявляемых к нему требованиях. Монография доктора юриди-

ческих наук, профессора Игоря Владиславовича Понкина и кандидата юридических наук, доцента Алены Игоревны Редькиной¹ восполняет эти пробелы, последовательно раскрывая онтологию цитирования как метода сопровождения и обеспечения научного исследования.

Монография продолжает серию научных публикаций авторов по вопросам методологии науки, получивших широкое признание в научном мире, а также среди юристов, занимающихся аналитической работой².

В монографии содержатся исчерпывающие материалы о том, как повое научное произведение, с учетом его предмета, целей и иных индивидуальных параметров, должно корреспондировать с системой знаний в исследуемой сфере и интегрироваться в эту систему.

Читатели найдут ответы на вопросы о том, каковы понятие и природа цитаты, функционально-целевое предназначение цитирования, императивы требуемого и пределы допустимого в цитировании, правила научного цитирования и его объемы, особенности самоцитирования и повторного ча-

¹ Понкин И.В., Редькина А.И. Цитирование как метод сопровождения и обеспечения научного исследования: монография. М.: ИНФРА-М, 2019. 86 с.

² В частности: Понкин И.В., Редькина А.И. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 3. С. 249–259; Понкин И.В., Гребенников В.В., Редькина А.И. Метод абдукции как метод научного исследования // Образование и право. 2017. № 5. С. 8–12; и др.

стичного использования автором своего же научного материала, и на многие другие.

В главе 1 «Понимание и толкование терминов “цитата” и “цитирование”» авторы рассматривают ценностно-отсылочные формы академической коммуникации (цитирование, упоминание или использование отсылки без непосредственного цитирования), обосновывают авторскую дефиницию понятия цитирования как метода сопровождения и обеспечения научного исследования.

Глава 2 «Общее значение цитирования (а равно использования отсылок и упоминаний) для науки» раскрывает роль цитирования в научных исследованиях, исходя из того, что онтология науки связана с циклическими процессами, включающими сложно-структурные коммуникации, обеспечивающие переходы количественного знания в качественное, приращение научного знания и расширение масштабов видения познаваемых горизонтов. Авторами впервые предпринят обзор истории появления и развития практики ссылок в науке на работы предшественников, а также проанализированы факторы, повлиявшие на этот процесс.

Далее во второй главе авторы рассматривают основные функции цитирования, использования отсылок и упоминаний в научном исследовании. Обосновывается, что цитирование источников является важной частью научных исследований и одним из наукометрических показателей. Небезынтересной для многих исследователей станет проанализированная, наряду с прочими, охранительная функция цитирования: цитирование ученого другими лицами позволяет определить действительное время опубликования им своих идей на случай спора с недобросовестными авторами, крадущими чужие идеи и публикующими их «задним числом» прежними годами.

В главе 3 «Референтные юридические аспекты. Понятие, содержание, природа и гарантии права на цитирование» анализируется содержание права на цитирование, рассматриваемого авторами как одно из фундаментальных академических прав, выступающее производным от ряда конституционных прав и свобод. Приводится обзор международных конвенций, российских нормативных правовых актов и зарубежных источников, регламентирующих реализацию права на цитирование, в частности Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г., Гражданского кодекса Российской Федерации, Кодекса интеллектуальной собственности Фран-

ции (в ред. от 01.08.2018), Закона Германии от 9 сентября 1965 г. (в ред. от 01.09.2017) «Об авторском праве и смежных правах», Закона Нидерландов от 23 сентября 1912 г. (в ред. от 01.09.2017) «Об авторском праве», Закона Японии 1965 г. (в ред. от 16.12.2006) «Об авторском праве».

Глава 4 «Функционально-целевая нагрузка цитирования, использования упоминаний и ссылок» начинается с анализа подходов зарубежных ученых к пониманию целей цитирования, в частности приводится описание 15 целей цитирования, выделяемых Мелвином Вайнстоком, рассматриваются точки зрения по данной проблематике Ричарда Будро, Криса Мэка, Дэвида МакДи Тейлора, Фредерика Торна, Умберто Эко и других ученых.

Далее в четвертой главе авторы обосновывают собственный концепт функционально-целевой нагрузки применения цитирования работ других авторов как метода сопровождения и обеспечения научного исследования.

В главе 5 «Добросовестное цитирование (fair citation)» рассматриваются условия цитирования, требования к цитированию и надлежащему оформлению цитирования и отсылок к первоисточникам.

Читатели найдут в главе ответы на вопросы о том, как определить целесообразность и обоснованность введения цитаты в текст работы, избегав при этом дисбаланса между цитируемыми и собственными текстами работы или, что еще хуже, — необоснованного массивного цитирования без веской причины; как определить, когда и в каких объемах необходимо прямое цитирование (в кавычках), а когда достаточно представления цитаты в виде изложения экстрактированной сути; какие существуют правила научного цитирования; каковы особенности применения эпиграфа как цитаты; какие существуют исключения из правил строгого цитирования; в каких случаях допускается вторичное цитирование (кросс-цитирование) с употреблением текстовой конструкции: «Цитируется по: ...»; и др.

Содержащиеся в главе материалы, рекомендации имеют существенное значение для широкого круга читателей, поскольку надлежащее оформление цитирования или отсылок к первоисточнику должно осуществляться применительно к разнообразным источникам: книгам, диссертациям, статьям, докладам, материалам в сети Интернет и т.п.

Глава 6 «К вопросу о мере надлежащего и допустимого в пределах объема цитирования» по-

священа объемам цитирования в рамках научного исследования, учитывая, что причинами дефектности цитирования могут быть как его неполнота, так и слишком большой объем цитаты. Кроме того, как обоснованно указывают авторы, иногда статья может состоять исключительно из оригинальных авторских научных выкладок и выводов, без единой цитаты из работ других авторов и без упоминания иных авторов, и это не будет рассматриваться нарушением научной этики или положений нормативно-правовых документов.

В главе 7 «Метод массивированного цитатного наполнения концептуальной матрицы» авторы рассматривают один из методов оперирования цитатами и цитатными массивами, наименование которого (предложенное авторами) включено в название главы. Обосновывается, что метод массивированного цитатного наполнения концептуальной матрицы применим, в частности, при крайне слабой исследованности предметно-объектной области и при этом ее повышенной сложности и неопределенности, при высоком потенциале конфликтности различных точек зрения относительно исследуемого предмета и в других случаях.

Глава 8 «Дефекты цитирования и их негативные последствия» посвящена анализу видов дефектов цитирования (исключая плагиат) умышленных и неумышленных (содержательно-смысловые дефекты, технические дефекты, фальсификация цитирования, предвзятое цитирование или предвзятый отказ от цитирования и др.), их причин и предпосылок, а также последствий.

В главе 9 «К вопросу о целях создания научного произведения: только ли ради последующего его цитирования?» рассматриваются различные цели создания и опубликования научного произведения, которые не сводятся к ожиданию цитирования своего труда другими авторами.

Глава 10 «Повторное (неоднократное) партикулярное использование автором своих авторских научных текстов; самоцитирование; отсылки к своим научным трудам» посвящена вопросам помещения автором в своей новой работе текстовых фрагментов из своих же собственных ранее опубликованных работ, как с оформлением их в качестве цитат, так и без такого оформления. Авторами исследована целевая нагрузка самоцитирования, высказаны авторские суждения относительно сформировавшегося в отечественной науке негативного образа

самоцитирования, а также лексемы «самоплагиат», выявлены и классифицированы случаи самоцитирования, противоречащие научной этике, рассмотрены ситуации, когда частичное воспроизведение автором текстовых фрагментов или своих ранее опубликованных работ является оправданным, правомерным и отвечающим правилам научной этики.

В главе 11 «Републикация автором своего ранее опубликованного целостного научного произведения» рассматриваются случаи, когда републикация (воспроизведение статьи или раздела книги полностью или частично) является правомерной и добросовестной.

Глава 12 «Ретрагирование научной публикации (статьи)» содержит авторские суждения относительно оснований и последствий отзыва публикации (статьи) журналом или самим автором в полном объеме или в некоторой части, а также внесения в статью изменений с публичным уведомлением о причинах этого. Обстоятельно и в различных аспектах проанализировано Правило отзыва (ретрагирования) статьи от публикации Советом по этике научных публикаций Ассоциации научных редакторов и издателей.

В главе 13 «Значение и особенности цитирования в юридической науке» авторы объясняют, почему в юридической науке и юридической практике значение цитирования, а равно отсылки и упоминания, гораздо большее, чем во многих других отраслях науки и практической деятельности. Весьма аргументированными представляются суждения авторов относительно особенностей применения системы «Антиплагиат» к юридическим научным работам.

Монография отличается масштабной источниковой базой, содержит большое количество примеров, цитат из работ зарубежных авторов по вопросам научного цитирования, большинство из которых самостоятельно переведены авторами и впервые имплементированы в российской юридической науке.

Материалы монографии окажут существенную помощь аспирантам и докторантам, научным руководителям и научным консультантам, а также всем, кто считает необходимым обновить свои знания об исследовательской методологии. Кроме того, монография весьма полезна для судей и иных практикующих юристов, специализирующихся на рассмотрении дел, связанных с защитой авторских прав, а также для юристов, занимающихся нормотворческой деятельностью, поскольку

ку, как убедительно доказано в монографии, нормотворчество также сопряжено с цитированием и применением ссылок.

Таким образом, можно констатировать, что юридическая наука пополнилась фундаменталь-

ным исследованием об онтологии цитирования как метода сопровождения и обеспечения научного исследования, необходимого для качественной научной работы и практической юридической деятельности.

Литература

1. Понкин И.В. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 3. С. 249–259.
2. Понкин И.В. Метод абдукции как метод научного исследования / И.В. Понкин, В.В. Гребенников, А.И. Редькина // Образование и право. 2017. № 5. С. 8–12.
3. Понкин И.В. Цитирование как метод сопровождения и обеспечения научного исследования : монография / И.В. Понкин, А.И. Редькина. Москва : ИНФРА-М, 2019. 86 с.

References

1. Ponkin I.V. Klassifikatsiya kak metod nauchnogo issledovaniya, v chastnosti v yuridicheskoy nauke [Classification as a Method of Scientific Research, in Particular in Legal Studies] / I.V. Ponkin, A.I. Redkina // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki – Bulletin of the Perm University. Series: Legal Studies. 2017. № 3. S. 249–259.
2. Ponkin I.V. Metod abduksii kak metod nauchnogo issledovaniya [The Abduction Method as a Scientific Research Method] / I.V. Ponkin, V.V. Grebennikov, A.I. Redkina // Obrazovanie i pravo – Education and Law. 2017. № 5. S. 8–12.
3. Ponkin I.V. Tsitirovanie kak metod soprovozhdeniya i obespecheniya nauchnogo issledovaniya : monografiya [Citing as a Method of Maintenance and Support of a Scientific Research : monograph] / I.V. Ponkin, A.I. Redkina. Moskva : INFRA-M – Moscow : INFRA-M, 2019. 86 s.

Уважаемые авторы!

Вы можете самостоятельно в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в ИГ «Юрист». Для этого необходимо отправить с вашего электронного адреса письмо на avtor-gq@lawinfo.ru, в теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и др. Обращаем ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции.

Каждый автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

В случае возникновения проблем с получением информации просим обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

О решениях Президиума Ассоциации юридического образования от 23 октября 2020 г.

Шенгелиа Гоча Аликоевич,

помощник декана по связям с государственными и общественными организациями
Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
gashengelia@mail.ru

В статье сообщается о решениях Президиума Ассоциации юридического образования (Президиума АЮРО), заседание которого состоялось 23 октября 2020 г. на базе Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: Ассоциация юридического образования, АЮРО, Президиум АЮРО, президент АЮРО, Юридический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова.

23 октября 2020 г. на базе Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ имени М.В. Ломоносова) состоялось заседание Президиума Ассоциации юридического образования (Президиума АЮРО)¹. Учитывая сложное эпидемиологическое положение, заседание проходило в смешанном (очно-дистанционном) формате.

Заседание Президиума АЮРО с приветственным словом открыл и председательствовал Голиченков Александр Константинович, президент АЮРО, декан Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, член-корреспондент РАО. На заседании рассматривались следующие вопросы:

1. Об утверждении Плана работы АЮРО на 2020–2021 гг. Слушали: Чанышева Александра Сергеевича, председателя Правления АЮРО, заместителя начальника Учебно-методического управления Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Принято решение: утвердить план работы АЮРО на 2020–2021 гг.

2. О составе Экспертного совета АЮРО. Слушали Чанышева А.С.

Принято решение: утвердить состав Экспертного совета АЮРО.

3. О назначении председателя и заместителя председателя Экспертного совета АЮРО. Слушали: Чанышева А.С.

Принято решение: 1. Назначить председателем Экспертного совета АЮРО Ястребова Олега Александровича, вице-президента АЮРО, ректора Российского университета дружбы народов

(РУДН). 2. Назначить заместителем председателя Экспертного совета АЮРО Грачеву Елену Юрьевну, первого проректора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

4. О формировании перечня (базы данных) экспертов АЮРО. Слушали: Чанышева А.С.

Принято решение: утвердить перечень (базу данных) экспертов АЮРО.

5. О деятельности постоянно действующей комиссии Ассоциации юридического образования по разработке нормативных и учебно-методических материалов (ПДК АЮРО). Слушали: Чанышева А.С.

Принято решение: приостановить деятельность постоянно действующей комиссии Ассоциации юридического образования по разработке нормативных и учебно-методических материалов (ПДК АЮРО).

6. О членах АЮРО. Слушали: Чанышева А.С.

Принято решение: 1. Рекомендовать ОСЧ АЮРО исключить из членов АЮРО Пензенский государственный университет. 2. Рекомендовать ОСЧ АЮРО отсрочку уплаты членского взноса на 6 месяцев издательству «Перспектив».

7. О единых подходах к формированию профессиональных компетенций у обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата). Слушали: Зиновьева Игоря Петровича, члена Президиума АЮРО, декана Юридического факультета Южного федерального университета (ЮФУ).

Принято решение: поддержать единые подходы к формированию профессиональных компетенций у обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата).

¹ О деятельности Ассоциации юридического образования (АЮРО) см.: URL: <http://ajuro.pf>

Organization of E-Learning with Incorporation of an Online Component

Diveeva Nelli I., Professor of the Department of Labor and Social Law of the Saint Petersburg State University (SPbSU), LL.D

Dmitrikova Ekaterina A., Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Saint Petersburg State University (SPbSU), PhD (Law)

Vasilyev Ilya A., Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Saint Petersburg State University (SPbSU), PhD (Law), Associate Professor

The purpose of this article is to formulate recommendations for organizing network form of learning using the online component. The advantages of using the online component in the educational process are outlined. **Methodology:** in the process of preparing the article, the dialectical method was used, which consists in the application of methods of analysis, scientific generalization. **Conclusions.** The authors consider the organization of network form of learning as a promising area of joint activities of educational organizations and other organizations that have the resources necessary for the implementation of educational programs. The article formulates the key characteristics of network form of learning, analyzes changes in the regulation of issues of organizing network learning. **Scientific and practical significance.** Taking these aspects into account, the authors propose possible models for including the online component in the organization of network form of learning. Issues are considered in relation to higher education.

Keywords: network learning agreement, educational online courses, modularity of network form of learning.

Remote Work of Academic Employees: Rule vs. Exception?

Zakharova Maria V., Associate Professor of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD (Law), Doctor of Public Law (France), Corresponding Member of the International Academy of Comparative Law

Purpose. To analyze the prospects of the introduction of remote work of academic employees into the typical employment zone. **Methodology:** the comparative law method will become the basic method of the presented research; it is planned to perform a comparative analysis carried out within the framework of an inter-disciplinary approach (comparison of the legal doctrine with related branches of knowledge such as sociology, economics, etc.), an inter-branch approach (a comparative analysis of approaches used in the general law theory), a trans-border approach (comparison of various national legal systems) and a chronological approach (a historical comparative analysis). **Conclusions.** Following the results of the research, the author has come to the following significant conclusions:

1. Remote work is a vivid manifestation of the statutory regulation with application of digital technologies.
2. Labor codes and labor laws of various countries appeared in the industrial epoch of the XX century are at the very beginning of the road towards the resolution of this problem.
3. Remote work of academic employees is more of an exception than a rule at the current stage of the development of the legal world map.
4. However, the general evolution of public relations has sped up so much in the qualitative as well as the quantitative aspect, that in the future conventional forms of classes with students may be changed, if not fully cancelled, in favor of greater digitization in its various manifestations.

Scientific and practical significance. Conclusions provided in the article are of practical relevance for the development of comparative law, branch law and general theoretical legal disciplines of different countries of the world.

Keywords: law, Russian, foreign, employment, academic employees.

The Legal Nature of the Reasonable Term Principle and the Development Thereof in the Russian Criminal Procedure

Kuvaldina Yulia V., Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Samara National Research University, PhD (Law), Associate Professor

Maryina Evgenia V., Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Samara National Research University, PhD (Law)

The purpose of the article. The authors of the article propose for discussion the problems associated with determining the nature of a reasonable time through the prism of the generally recognized properties of the principles, in order to show that the inclusion of Article 6.1 in the criminal procedure law had not only external factors (first of all, the influence of the decisions of the ECHR), but also internal, historical prerequisites, as well as the needs of practice. **Methodology:** in the preparation of the study, both general scientific and special methods were used: system analysis, historical, specific sociological and formal legal. **Conclusions.** 1. A reasonable time, on the one hand, can be viewed as an inter-sectoral organizational principle of justice, and, on the other hand, as an organizational principle of the entire criminal process. 2. The principle of a reasonable time obliges law enforcement officials to carry out their activities: a) in compliance with the procedural time limit; b) timely; c) as quickly as possible. 3. Speed means that the law enforcement officer performs all the necessary and sufficient procedural actions before the deadlines established by law for their production. 4. Reasonable criminal procedure can be both lengthy and fast, but does not go beyond the legal deadlines. 5. A reasonable time limit for legal proceedings contains general provisions (duty to comply with procedural deadlines; duty to carry out proceedings promptly, taking into account the criteria contained in the law), which are specified in other articles of the criminal procedure law. 6. For violation of a reasonable time, preventive and suppressive measures have been established. **Scientific and practical significance.** The conducted research can be useful for scientists, teachers of higher educational institutions, graduate students interested in the problems of criminal procedure.

Keywords: reasonable time, properties of principles, criminal proceedings, speed of the process, acceleration of the case, procedural time.

Criminalistic Forecasting Development History

Ustinova Irina V., Teaching Assistant of the Department of Forensic Examination and Customs of the Tula State University

The purpose is to analyze the historical aspects of the development of scientific forecasting. Historically, the forecast originated as empirical knowledge, as evidenced by the analysis of the historical roots of the development of social relations. Scientific prerequisites for forecasting originated in the era of market-capitalist relations, since the theoretical prerequisites for forecasting were due to the intensive development of scientific and technological progress. A brief analysis of the formation of social, criminological and forensic scientific forecasting is carried out. **Methodology:** when writing the article, the fundamental provisions of materialist dialectics were used, as well as general and particular methods of scientific knowledge: historical, logical-philosophical, generalization, description, analysis, and others. **Conclusions.** Thanks to the development of forecasting, new cognitive strategies began to develop in natural science, economics, technology, as well as in the legal sphere; the predictive approach helps to reveal the incompleteness of certain scientific studies and to look differently at many modern legal system concepts. The forensic sphere of society's life is no exception, in which all its negative manifestations are reflected in the first place. **Scientific and practical significance.** The article is aimed at developing a methodological basis for the development of forensic forecasting. The practical value is expressed in the analysis of the development and the current state of forecasting in forensic activities.

Keywords: forecasting, directions in forecasting, forecasting experience, forecasting development, criminological forecasting, forensic forecasting, development strategies, scientific forecast, empirical forecast.

Types of Digital Innovations on the Financial Market (Financial Law Aspects)

Kartashov Aleksandr V., Associate Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD (Law)

Purpose. This article is devoted to the consideration of legal approaches to the description of digital financial innovations in the financial market. The author strives to identify the features of the legal regulation mechanism and the prospects for introducing innovations in the process of providing financial services by credit and non-credit financial organizations. **Methodology:** analysis, synthesis, induction, deduction, comparative legal and structural-system approaches. **Results.** The author points out that the lack of legal consolidation of the types of innovations in regulatory legal acts is due to their universal nature and does not depend on the level of economic development and the type of legal system. The introduction of digital innovations in the financial market is designed to improve the quality of services provided to consumers, which at the present stage is supported by the adopted basic regulations and correlates with the goals of the financial market development strategy developed by the relevant regulators,

in particular the Central Bank of the Russian Federation. **Scientific and practical significance.** The article aims to systematize existing research developments in the field of digital innovations in the financial market, which involves analyzing their features, as well as identifying existing problems, the solution of which will contribute to the development of law enforcement practice in this direction.

Keywords: financial market, financial system, digital financial innovation, legal regulation mechanism, financial law, non-bank financial institutions, financial market sector.

A National Preventive Mechanism as a New System of the State and Public Control Facilitating Legality of Operations of Detention Facility Administrations in the Russian Federation

Gulyaev Dmitriy E., 3rd Year Student of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The problem of the use of torture and violence by employees of places of detention against persons who are there has been relevant in Russia for more than a decade. **The purpose** of the work is to substantiate the need to create legal conditions for increasing the level of legality in the activities of administrations of places of detention and the effectiveness of protecting human rights and freedoms in such places. There are few scientific works on this problem in Russia. **The research methodology** is based on general scientific and special methods of scientific knowledge, including dialectical, logical, systemic, formal legal and statistical. It is **concluded** that an increase in the level of legality in the activities of administrations of places of detention is possible as a result of the signing and ratification by the Russian Federation of the Optional Protocol to the UN Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment, which provides for the creation on the basis of the principles enshrined in it a new unified preventive system for monitoring the observance of human rights in places of detention – the National Preventive Mechanism (NPM). **The scientific and practical significance** of the study lies in proposing a conceptual change in the existing system of state and public control over the observance of law in places of detention in Russia.

Keywords: legality, human rights, torture, state control, public control, places of detention, closed institutions, public oversight commissions, National preventive mechanism (NPM).

A Review of a Monograph Anti-Corruption Security Measures: monograph / E.A. Akunchenko, S.P. Basalaeva, M.A. Volkova et al.; edited by N.V. Schedrin, I.A. Damm. Krasnoyarsk, 2020. 430 s.

Matskevich Igor M., Chief Research Scientist of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, LL.D., Professor

The collective monograph 'Anti-corruption security measures' is being reviewed. It is noted that the study was carried out on the basis of the current state of legal regulation of the fight against corruption, the tasks of anti-corruption security were determined, well-founded conclusions and recommendations were formulated for creating a system of measures for such security. The study of anti-corruption security measures is relevant for the development of the science of criminal law and criminology, as well as the sciences of related fields of knowledge. Scientific ideas, analysis of legislation and law enforcement practice can be useful for further scientific research on anti-corruption measures, in rule-making activities in order to prevent corruption in the life of society and the state.

Keywords: corruption, prevention, criminology, criminal law, administrative law, civil law, sanctions, official, legal regulation, system of measures.

A Review of a Monograph by I.V. Ponkin, A.I. Redkina Citation as a Research Support Method (Moscow: INFRA-M, 2019)

Yakushev Pavel A., Presiding Judge of the First Judicial Assembly for Review of Civil Cases Through the Appeal Procedure of the Vladimir Regional Court, PhD (Law), Associate Professor

The author reviews a collective monograph Citation as a Research Support Method. The research is relevant for the authors publishing scientific articles and everyone who considers it necessary to update the knowledge on the research methodology. Skillful use of citations and references, rules for citations and reference lists may be useful for further research.

Keywords: citation, materials, formalization, science methodology.

On the Resolutions of the Presidium of the Association of Law Education of October 23, 2020

Shengelia Gocha A., Assistant to Dean for Cooperation with State and Public Organizations of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University (MSU)

The article informs about the resolutions of the Presidium of the Association of Law Education (Presidium ALE), that took place on October 23, 2020, at the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University (MSU).

Keywords: the Association of Law Education, ALE, Presidium of the ALE, the President of the ALE, Faculty of law, Lomonosov Moscow State University.

Требования к авторам журнала «Юридическое образование и наука» по оформлению научных статей

Аннотация — от 1300 до 2000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания — не более двух слов).

Автор переводит название статьи и аннотацию на английский язык самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

На английский язык автор также переводит свои фамилию, имя и должность.

Статья

Полностью ФИО автора, указать должность, ученую степень и звание, электронную почту — обязательно.

Не менее 10 страниц через 1,5 интервала (без учета аннотации), не более 20 страниц.

27 000 – 37 000 знаков с аннотацией, не более 20 страниц.

Не менее 3 ссылок, не более 9, исходя из текста статьи в 10 страниц. (Если статья больше 10 страниц, количество ссылок может быть увеличено.)

Ссылки и список литературы — в конце. Только монографии, научные статьи. В ссылках и списке литературы не указывать учебники и газетные публикации.

Важно: оформление постраничных ссылок — см. ниже.

Ссылки и список литературы даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации — только в постраничные сноски.

ВАЖНО. Если статья является продолжением другой статьи автора по той же проблематике, автор обязан указать об этом в самом начале работы с приведением выходных данных уже опубликованных статей, в том числе в каких журналах и сборниках они выходили, а также насколько представленная статья является оригинальной по сравнению с предыдущими статьями.

НАПРИМЕР. Статья посвящена проблеме, которую автор изучает на протяжении ряда лет, и по этой проблеме автором опубликованы статьи, которые вышли в следующих журналах.

Библиография

В библиографический список включается только использованная литература в узком смысле этого слова (книги, статьи и т.п.). Нормативные акты или их проекты, а также договоры, судебные решения, стенограммы и иные подобные материалы в библиографический список не включаются. Редакция оставляет за собой право на удаление этих материалов из списка литературы.

Рецензирование

Все статьи подлежат обязательному рецензированию. Устранение замечаний рецензента является личной ответственностью автора. Автор может обратиться к главному редактору с обоснованными доводами о несогласии с отрицательным мнением рецензента.

Вторая отрицательная рецензия автоматически ведет к выводу о невозможности публикации статьи в журнале.

*С пожеланиями творческих успехов и поиска научной истины,
почетный научный редактор журнала «Юридическое образование и наука»
Игорь Михайлович Мацкевич*